

ОБЗОРЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

КЛИМЕНТІЙ (¹).

Народы, созидающіе свою литературу по чужимъ образцамъ, начинаютъ ее или тяжелою прозою, или стихотворствомъ безъ поэзіи. Истинная поэзія только тогда проявляется въ письменномъ словѣ, когда оно перестанетъ быть отголоскомъ чужой литературы и заговоритъ въ духѣ собственнаго народа.

Старинныя украинскія училища, сколько ихъ ни размножилось въ подражаніе Кіево-Братской школѣ, не дали обществу ни одного поэта. Причиною тому было пренебреженіе основателей этихъ училищъ къ языку, которымъ говорила наибольшая, если не вся, масса населенія украинскаго. Ни Исаія Купинскій, ни Петръ Могила не могли, по своему собственному воспитанію, постигнуть, что основаній краснорѣчія надобно искать въ языкѣ народа, который они желали просвѣтить, и въ его изустной поэзіи. Всѣ современные имъ и послѣдовавшіе за ними ученые Украинцы старались не о томъ, чтобы народный языкъ возвысить до выраженія высокихъ понятій о Богѣ и человѣкѣ, заключенныхъ въ Библии, а о томъ, чтобы церковно-славянскій языкъ Библии, усвоенный церковною іерархіею, вселить въ народъ, посредствомъ богослуженія, проповѣ-

(¹) Изслѣдованіе о Климентіѣ, украинскомъ стихотворцѣ временъ гетмана Мазепы, было напечатано въ 5-мъ томѣ *Русской Бесѣды* 1859 года. Здѣсь оно предлагается съ значительными дополненіями, какъ начало обширнаго критико-историческаго изслѣдованія, предназначеннаго для *Основы*.

ди и наконецъ школьной науки. А такъ какъ основатели украинскихъ училищъ воспитывались или въ польскихъ школахъ, или посредствомъ польскихъ книгъ, то въ учебный языкъ свой подмѣшали они польскихъ словъ и оборотовъ. Образцами стихотворства сдѣлались для нихъ силлабическія вирши польскихъ поэтовъ, столь убогія въ сравненіи съ гармоническими народными пѣснями украинскими. И такимъ образомъ, повернувъ своихъ питомцевъ спиной къ народу и его рѣчи, а лицомъ къ тому, что написано на чуждыхъ украинскому слуху языкахъ, учили ихъ схоластики всякой книжной премудрости, выдѣлывали изъ нихъ свое подобіе, распространили его по всей Украинѣ во множествѣ болѣе или менѣе крѣпкоголовыхъ образцовъ, но не произвели ни одного поэта. Поэзія чуждалась школъ и жила, мимо ихъ вѣдома, въ неграмотномъ народѣ. Самая поэтическая личность, пройдя чрезъ умственную пытку, которой подвергался въ тогдашнихъ школахъ человѣкъ, теряла способность выражаться поэтической рѣчью и, возвращаясь въ народъ, дѣлалась ему чуждою. Печальный примѣръ такого пересозданія видимъ мы даже въ позднѣйшее время на Сковородѣ, который, воспитавшись на иныхъ началахъ, могъ бы быть великимъ двигателемъ духовнаго развитія Украинскаго народа. Но Сковорода не былъ, Сковорода не могъ быть единственною жертвою тупой школьной науки стараго времени. По милости ея, много свѣтлыхъ именъ исчезло для насъ безъ слѣда, много высокихъ поэтическихъ талантовъ погребено въ рукописныхъ и печатныхъ фоліантахъ схоластической безплодной работы. Предшествовавшія намъ поколѣнія Украинцевъ равнодушно истребляли эти фоліанты на домашнія потребности, или разбрасывали, какъ негодный хламъ, по амбарамъ и чердакамъ. Въ просвѣщенномъ негодованіи, мы называемъ ихъ варварами, которые не умѣли дорожить былою жизнію и дѣятельностью предковъ; но когда глубже вникнемъ въ это по-видимому возмутительное явленіе, то увидимъ въ немъ безмолвный приговоръ, произносимый временемъ надъ заблужденіями человѣческими. Будь эти фоліанты писаны такъ, чтобъ отъ нихъ трепетало живое сердце, — не охладѣли бы дѣти къ тому, чѣмъ дорожили отцы, и цѣнили бы внуки наслѣдіе послѣ дѣдовъ. Будь эти фоліанты — слово жизни, а не мудреное хитросплетеніе рѣчи, убивающее всякое свободное любопытство, — они бы сдѣлались источникомъ свѣта для грамотныхъ людей, и тогда, послѣ просвѣщенныхъ родителей, не были бы равнодушны къ ихъ премудрости наслѣдники ихъ книгъ. Намъ не жаль истребленія цѣлыхъ рукописныхъ библіотекъ, накопленныхъ кіевскими академистами, черниговскими и другими семинаристами; намъ жаль, что столько ум-

ственных силъ и столько времени потрачено на труды, недостойные вниманія потомства и чуждые потребностямъ его жизни. Конечно, изъ нашихъ старинныхъ школъ распространились въ высшемъ сословіи кой-какія философскія понятія и научные факты, — распространились и вошли въ капиталъ современнаго просвѣщенія Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, что привлечено въ нее изъ Западной Европы черезъ Петербургъ; но по предмету словесности, составляющей душу всякаго просвѣщенія, эти школы сдѣлали, можетъ быть, больше вреда, нежели пользы. Они подавляли живое слово народа и врожденный народу даръ поэтическаго творчества, давая своимъ воспитанникамъ ложный взглядъ на высокое и низкое въ содержаніи и формѣ поэтическихъ произведеній. Это можно видѣть на всѣхъ доселѣ напечатанныхъ схоластическихъ виршахъ, начиная отъ панегириковъ Конашевичу-Сагайдачному и Петру Могилѣ, — этихъ безцвѣтныхъ и безобразныхъ словоизвитій, въ которыхъ не замѣтно и отдаленнаго родства съ современными имъ произведеніями народной музы, дышавшихъ вѣчною свѣжестью поэтическихъ красокъ и преисполненныхъ самой оригинальной и живой образности. Позднѣйшія стихотворныя сочиненія архимандритовъ и архіереевъ, законодательствовавшихъ въ свое время литературнымъ вкусомъ съ каедръ Кіевской академіи, не исключая и виршъ самаго талантливаго изъ нихъ, Георгія Конискаго, такъ же мертвенны въ риторическомъ своемъ убранствѣ, какъ и хвалебныя гимны могилинскихъ семинаристовъ. Они до того удалены отъ народнаго языка и интересовъ насущной жизни народа, что не заслуживаютъ названія даже первыхъ опытовъ украинской словесности. Ихъ ожидаетъ судьба, постигшая средневѣковую латынь въ стихахъ и прозѣ, — равнодушное и полное забвеніе.

Что-то похожее на попытку вывести поэзію изъ-подъ академическихъ сводовъ на открытый просторъ, въ живой народъ, представляетъ покажется одинъ *Климентій Зьновіевъ сынъ*, іеромонахъ временъ Мазепы, въ своей рукописи, открытой, покойнымъ А. В. Шишацкимъ-Илличемъ, украинскимъ стихотворцемъ нашего времени, Климентій, какъ видно, не доучился современной премудрости до конца: въ стихахъ своихъ онъ извиняется передъ «благоразумными» читателями, и «особливо передъ виршописцами» въ томъ, что не въ каждомъ стихѣ соблюлъ равное количество «силлябъ» и разорвалъ кое-гдѣ цезуру, а въ другомъ мѣстѣ сознается, что мало смыслилъ въ ирмолѣхъ, а партесовъ совѣтъ не знаетъ. Не былъ онъ однимъ изъ тѣхъ счастливицевъ, которымъ, по выпуску изъ школы, все идетъ какъ по маслу, которые дивятъ общество своими образованными способностями и становятся его авторитетами и куми-

рами. Онъ пишетъ, что претерпѣвалъ много скорбей, не имѣлъ постояннаго спокойнаго жилища, писалъ свою книгу въ разныхъ мѣстахъ, и писалъ единственно для утоленія своей печали, «будучи въ гоненіи». Всѣ эти данныя объясняютъ, какъ содержаніе стихотвореній его, такъ и нѣкоторое сближеніе въ нихъ автора съ народомъ, на перекоръ схоластикъ. Въ рукописи его, состоящей изъ 324-й четвертушки обыкновенной писчей бумаги, не достаетъ трехъ листовъ въ началѣ, многихъ листовъ въ срединѣ и, Богъ знаетъ сколько въ концѣ. Писана она красивымъ, для своего времени, почеркомъ, близкимъ къ полууставу и греческому начертанію буквъ, со словотитлами и сокращеніями. Начинается она философическими разсужденіями о правдѣ, о болѣзняхъ, о вѣтрѣ, объ огнѣ, о Божіемъ долготерпѣніи, объ именахъ Божіихъ, о смерти, и т. п. Въ стихотвореніяхъ на эти темы, авторъ платитъ безусловную дань своему воспитанію и времени. Очевидно, они писаны для чтенія въ кругу монастырскомъ. Но іеромонахъ Климентій много странствовалъ по свѣту, видалъ всякіе виды, и сталкивался со всякаго рода людьми. Не переставая быть философомъ-догматикомъ, онъ вводитъ въ свои вирши нѣкоторыя подробности изъ явленій повседневности и часто судитъ судомъ толпы, среди которой онъ вращался. Строгихъ убѣжденій у него нѣтъ. Понятія о добрѣ и злѣ у него относительныя. Иногда онъ бываетъ не въ мѣру строгъ, иногда не въ мѣру снисходителенъ въ своихъ сужденіяхъ, смотря по тому, подъ какими вліяніями писалъ, и часто самъ себя противорѣчитъ, оправдывая то, что прежде порицалъ. Вообще, онъ — поклонникъ высшаго, господствующаго сословія, противъ котораго не смѣетъ сдѣлать, въ стихахъ своихъ, никакого прямого замѣчанія; если же говоритъ объ общемъ порокѣ всѣхъ сословій, то или умалчиваетъ о высшемъ, или даже выгораживаетъ его и извиняетъ въ немъ то, что въ другихъ осуждаетъ немилосердо. Этимъ объясняется тогдашнее положеніе странствующаго монаха: всякій протестъ его противъ злоупотребленій гетмана и пановъ украинскихъ грозилъ ему серьезною опасностью. Властвовалъ тогда въ Украинѣ не умъ, властвовали сила и богатство. Исторія описывала тогда дѣянія правителей и полководцевъ; поэзія восхваляла ихъ доблести, или услаждала слухъ сильныхъ міра сего пріятными для нихъ вымыслами; сатира осмѣливалась касаться только людей безотвѣтныхъ. Поэтому-то мы находимъ въ книгѣ іеромонаха Климента слѣдующую сатиру на простолюдиновъ, въ которой онъ неумышленно выставилъ злоупотребленія землевладѣльцевъ, оправдывая ихъ насиліемъ.

О идучихъ на слободы людехъ (¹).

Кто ко́лвекъ собѣ и́щетъ на житіѣ слободы:
 мало́ входятъ змежъ такіхъ велико́и бѣды.
 Бо гото́вые хаты́ идучи́ покида́ють:
 а прыше́дши на слободу гото́выхъ нема́ють.
 А що́ пайго́ршей ча́сомъ худо́бы забира́ють:
 и ты́лко що́ зъ ду́шами живыхъ оста́вля́ють.
 Уже́ жъ то́гда где́ зхо́четъ то́ ско́чить хочъ к лѣсу:
 и го́лый уже́ наветъ хочъ к са́мому бѣсу.
 Пожы́тчная́ ему́ суды́лась слобода́:
 дово́льная́ пусты́ня и ли́ка и вода́.
 На що́ лю́бо зволит́ся (:) хочъ уто́пится:
 а еже́ли захоче́тъ (,) во́лно и вда́вится.
 Ото́жъ мѣ́шешъ за своѣ́ тепе́рь ду́рный мужы́че:
 а бывши́й на сво́его па́на бунтовни́че.
 Не хотѣ́лесь панови́ послу́шенство́ отдава́ть.
 и въ цѣ́лости зъ всѣ́мъ свои́мъ въ є́дномъ мѣ́сту пробува́ть.
 Гни́ же тепе́рь за своѣ́ злое́ непокорство́:
 и за у́прямую твою́ гордо́сть и упо́рство.
 І́ добре́ ты́е чиня́ть, що́ проча́нъ обдыра́ють:
 Бо́гъ ихъ прости́ть, за то́е зго́ла грѣ́ха не ма́ють.
 І́ не то́лько потре́ба бѣ́ такіхъ обдыра́ти:
 але́ и з са́мими́ ду́шами разлуча́ти.
 Поне́сважъ не хотѣ́въ пу́дъ кимъ́ бу́въ чини́ть повинно́сть
 обде́ри и хочъ за́бий за ту́ю учинно́сть.
 Бо́гъ за бунтовника́ якъ мо́вятъ не́повѣснѣ́тъ:
 але́ и нагоро́дою е́ще потѣ́шнѣ́тъ.
 Кды́жъ учини́въ сво́ему па́ну па́кость мно́гу:
 не ты́лко па́ну и са́мому Бо́гу.
 Якъ́ ся́ мѣ́въ то́ мѣ́въ тре́ба было́ бѣ́ прете́рпѣ́ти:
 а за́ терпе́ніе спасе́ніе мо́глъ бы́ мѣ́ти.
 Зачи́мъ вы́ панове́ такіхъ не́ ва́жтєсь ща́дѣ́ти:
 вѣ́баючи́хъ про́чь са́мыхъ де́рѣ́тъ, бѣ́тъ и бе́рѣ́тъ дѣ́ти.
 І́ оти́одѣ́ милости́ такимъ́ по́казуйте́:
 але́ совер́шенно́ такъ́ тако́вымъ спра́вуйте́.

Это стихотвореніе даетъ самое грустное понятіе о состояніи тогдаш-
 наго населенія нашей Украины. Въ числѣ пановъ разумѣются и козаки-
 землевладѣльцы, ибо козакъ былъ тогда не простой человѣкъ, какъ это
 свидѣтельствуе́тъ и Климентій, противопоставляя вездѣ козакамъ не-ко-
 заковъ-поселянъ, какъ *простыхъ людей*. Вме́сто закона, господствова-
 ли обычаи, установленные правомъ сильнаго. Возмутивші́йся противъ зем-
 левладѣльца вольный *подсосѣдокъ* считался *бунтовникомъ*. У него от-

(¹) Сохраняю, по возможности, правописаніе подлинника.

бирали всю *худобу* и выпускали голаго, только съ душою. Но, видно, хорошо было жить у пановъ въ подсосѣдкахъ, если человѣкъ бросалъ все и уходилъ на пустыя земли, на слободу ⁽¹⁾! Эти такъ называемые вольные переходы, какъ видимъ, сопровождались, со стороны оставляемыхъ пановъ, грабежомъ, побоями и даже отнятіемъ дѣтей у родителей. И тѣмъ безнадежнѣе было положеніе чернорабочаго, неграмотнаго народа, что у грамотѣевъ не было къ нимъ никакого состраданія. Грамотѣи были не шутя увѣрены, что паны созданы для того, чтобъ пановать, а мужикъ — для того, чтобы терпѣть. Посмотрите, какую перспективу показываетъ стихотворецъ угнетенному подсосѣдку панскому: «Какъ ты ни жилъ, а все жилъ; надо было до конца претерпѣть, а за то могъ бы ты получить спасеніе.» Утѣшительная будущность, нечего сказать! Но, еслибъ несчастный и рѣшился, ради спасенія души, терпѣть безропотно притѣсненія со стороны землевладѣльца, то тотъ же самый философъ осудилъ бы его на вѣчныя мученія за множество другихъ поступковъ, которые онъ, въ своихъ стихахъ, объявляетъ страшными грѣхами. Поэтому хорошо дѣлали неграмотные поселяне, не слушаясь его совѣтовъ. Хорошо дѣлали и всѣ, кто оставлялъ безъ вниманія философію, высиживаемую въ бурсахъ. Она была чужда народнаго смысла и годилась только для тѣхъ, кто ее проповѣдывалъ. Но могъ ли сдѣлаться народнымъ поэтомъ человѣкъ съ такими дикими понятіями о добрѣ и злѣ, какъ авторъ философскихъ виршъ, и что удивительнаго, если творенія подобныхъ ему мудрецовъ не произвели на народъ никакого впечатлѣнія? Народная поэзія никогда не оправдываетъ беззаконія, никогда не льститъ низкимъ страстямъ сильнаго, никогда не

(1) Тепловъ, въ своей запискѣ о внутреннемъ состояніи украинскаго населенія при Разумовскомъ (*Записки о Южной Руси*, т. II), приписываетъ охоту подсосѣдковъ къ перемѣнѣ мѣста врожденной любви ихъ къ праздности. По духу вѣка, онъ не могъ входить симпатично въ положеніе подсосѣдка, но говоря о грабежахъ со стороны пановъ и о томъ, что «сильные кредитомъ въ націи помѣщики, заманивши одинажды на свою землю мужика, много и иныхъ способовъ имѣютъ не выпустить его переселиться къ другому», самъ указываетъ, къ чему были способны паны, относительно своихъ подсосѣдковъ, если только жажда къ стяжанію подстрекала ихъ на принужденіе мужика къ работѣ. Естественно, человѣкъ, сознавая себя не исключимымъ рабомъ другого человѣка, пользовался всѣми возможными средствами уйти отъ порабощенія. Тепловъ говоритъ, что мужики «по большей части не заводятъ у себя никакого домоводства, дабы удобнѣе было съ мѣста на мѣсто переняться.» Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ также *противъ* тогдашнихъ правовъ. Вольные хлѣбопашцы, которымъ открытъ путь на всѣ четыре стороны, не живутъ цыганскою жизнью и гнушаются ею.

ругается надъ несчастіями и страданіями. Народная муза полна разума и милосердія, и только тотъ способенъ увлекать словомъ своимъ народъ, въ полномъ его составѣ, кто совмѣститъ въ себѣ эти два нераздѣльные условія. Украинскія бурсы никогда не были разсадниками ни истиннаго разума, ни истиннаго милосердія, взаимно другъ отъ друга зависящихъ, и потому не могли произвести ни одного поэта. Еслибы Климентій усвоилъ себѣ всѣ преимущества тогдашняго воспитанія, онъ не былъ бы поэтомъ и на столько, на сколько является въ своей книгѣ: онъ не пошелъ бы дальше обычныхъ въ тогдашнее время сочиненій. Еслибы онъ угнѣздился спокойно на одномъ мѣстѣ и повелъ свои дѣла не хуже прочихъ, — онъ бы «не уметвовалъ лукаво» о томъ, что не относится къ нему непосредственно, и не сохранилъ бы для насъ, вовсе безъ умысла, многихъ чертъ несчастной старины нашей. Онъ написалъ бы, а, можетъ быть, и напечаталъ бы, такія книги, изъ которыхъ потомокъ ровно ничего не вычитаетъ насущнаго, объ которыя притупится самое острое вниманіе и которыя способны внушить отвращеніе къ умственной работѣ самому настойчивому труженику. Его сочиненія сдѣлались бы достояніемъ тѣхъ, которые грызутъ и перегрызаютъ, точно крысы, книгу за книгою и, переставъ быть людьми, сами дѣлаются ходячими книгами.

Климентію, Зѣновіеву сыну, кто бы онъ ни былъ, много помогла въ его сочиненіи неровность его характера, которая, какъ видно изъ разныхъ мѣстъ его рукописи, помѣшала ему испить до дна чашу современной семинарской науки и, по всей вѣроятности, выбросила его рано изъ схоластической машины въ беспорядочный, полный страстныхъ увлеченій, несхоластическій міръ. Онъ упоминаетъ мимоходомъ, что бывалъ на Волыни и въ разныхъ городахъ Земли Кіевской. Онъ часто сравниваетъ Литву съ Україною. Онъ говоритъ о разныхъ промыслахъ и ремеслахъ съ подробностями, которыя свидѣтельствуютъ, что онъ наблюдалъ ихъ не издали, а, можетъ быть, и непосредственно въ нихъ участвовалъ. Корчмы, шинки и все, что въ нихъ случается, онъ изображаетъ не общими мѣстами, какъ обыкновенно дѣлаютъ удаленные отъ дѣйствительности проповѣдники. О приходскихъ школахъ, о школярахъ и ихъ продѣлкахъ онъ говоритъ съ такой же опредѣлительностію, какъ и о монастырской кельѣ. Супружескія отношенія слишкомъ хорошо ему извѣстны для отшельника, и, судя по ожесточенію, съ которымъ онъ нападаетъ на непокорность и тайныя шашни женъ, надобно предположить, что супружеская жизнь знакома ему не по слухамъ. Всего вѣроятнѣе, что онъ вышелъ изъ семинаріи въ дьячки, въ діаконы, а пожалуй и въ попы, по-

томъ овдовѣлъ и, не зная, что съ собой дѣлать, пошелъ въ монастырь. Это подтверждаютъ его позднія сѣтованія на свое одиночество, и вольнодумство на счетъ поповскаго не-двоеженства. Монастырская жизнь не удовлетворила его. Онъ шлялся по міру, подъ предлогомъ испрошенія пожертвованій; не рѣдко увязалъ въ корчмахъ и шинкахъ, потому каялся въ своемъ нечестіи, возвращался въ монастырь и писалъ стихотворныя филиппики противъ недостойныхъ иноковъ. Но раздоръ съ монахами, на который онъ часто жалуется, прогонялъ его въ другую обитель, а мірскія привычки и очевидная неустойчивость характера заставляли его скорбѣть въ уединеніи, смотрѣть на исправительныя мѣры со стороны старшей братіи, какъ на гоненія, и безпрестанно мѣнять одно мѣстопробываніе на другое.

Таковъ мой выводъ изъ его книги, чуждой какой бы то ни было вѣшной и внутренней системы, — книги, писанной, какъ онъ самъ говоритъ, *перескакомъ*, наполненной общими религіозными мѣстами и вмѣстѣ кощунствомъ, строгими правилами нравственности и потачками самымъ циническимъ порокамъ, философскими попытками возвести явленія современной жизни къ идеѣ истины и грубѣйшими противорѣчіями христіанскому ученію. Такъ какъ она существуетъ въ единственномъ экземплярѣ, то я дѣлаю изъ нея извлеченія въ порядкѣ представленныхъ мною замѣчаній, чтобы подтвердить ихъ словами самого автора и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность другимъ судить о Климентіѣ, какъ о первомъ украинскомъ стихотворцѣ. Считаю необходимымъ измѣнить его правописаніе сообразно произношенію украинскому. Образцомъ служила Климентію орфографія церковныхъ книгъ, которыя читались и до сихъ поръ читаются неперемеженными Украинцами по законамъ народной фонетики. (Напримѣръ. слова *свѣта* *отъ свѣта* Украинецъ читаетъ: *світа* *одъ світа*.) На этомъ-то основаніи я ввожу въ стихи Климентія собственное украинское правописаніе, (какъ и въ другихъ изданныхъ мною книгахъ). Мѣста, въ которыхъ онъ впадаетъ въ церковно-славянизмы и полонизмы, оставляю безъ перемѣны, какъ напримѣръ окончаніе *лю* вмѣсто *въ*, которое онъ также иногда употребляетъ, но, очевидно, по привычкѣ говорить не тѣмъ языкомъ, которымъ писалъ.

О должниківъ, хто кому́ долженъ, або тежъ виненъ.

Не дай, Боже, позичать, аlé дай своё мать,

бо мовять: *Душно, якъ два прѣвять, третєму нічого дати!*

Добрó такому чегó-кóльвекъ позичати,

котóрий мóжетъ въ прѣдумъ часі и одати,

А винному двојка часомъ скорбъ биваєть,
 гди презъ назначенний часъ двѣе отдаваєть;
 Же то естъ такая речъ пудъ часъ меновите:
 должний на себѣ облікъ ⁽¹⁾ дастъ отдать совите ⁽²⁾.
 И видлемъ на свѣті тѣе въ своємъ віку,
 же презъ прѣшлий термінъ далъ двѣе чоловіку,
 И суженно на суді, би тѣе стало такъ.
 На Волиню єдинъ ся ошукалъ неборакъ,
 Бо мовилъ: »Когдѣ въ той часъ зуполно не отдамъ,
 хочъ єдинъ день похіблю, мовить, двѣе отдамъ.«
 Такеже ємѹ бідномѹ за нещастямъ стало,
 же другой половини даремне не стало.
 Присудилъ Ляхъ, жебъ Жиду Русинъ отдалъ двѣе,
 и мѹсилъ ⁽³⁾ старатися бідний біло о тѣе.
 Хтѣ жъ, чи судій томѹ виненъ, чи самъ винний: —
 Не вѣмъ; подобно, бѣльшой ошукался винний:
 На що біло въ обличі такъ ся обіцати,
 же презъ реченець бѹду двѣе отдавати?
 И то не готовизну далъ, тилько всю худѣу
 въ сту таярахъ, ажъ протѣ збулъ свою оздѣбу ⁽⁴⁾,
 Же много изъ жалости хорілъ для фрасѹнку ⁽⁵⁾,
 потомъ сталъ пить и умеръ зъ хмелѣвого трѹнку.
 А жонѣ, при злой пѣндзі ⁽⁶⁾, пошла запрядати,
 а діти свої Жидамъ почалѣ наймати.
 Прето ⁽⁷⁾ не дай намъ, Бѣже, въ долги упадати,
 алѣ и должнимъ дай вскорі свободжати.

Волинь тогда находилась въ предѣлахъ Польскаго королевства. Ляхъ, Жидъ и Русинъ играютъ на Волини, въ стихахъ Климентія, тѣ самыя роли, чтѣ и въ народныхъ преданіяхъ. Но когда онъ описываетъ свою Украину, то не упоминаетъ о Евреяхъ вовсе. Даже шинки и заѣздныя двѣры находились тогда въ рукахъ Украинцевъ. Истребленіе и изгнаніе Евреевъ, во время польско-козацкихъ войнъ, дало иной видъ Украинѣ лѣваго берега Днѣпра. Побережье правой его стороны, кромѣ опрестностей Кіева, кромѣ Канева, Черкасъ и Чигирина, лежало тогда безлюдною пустынею, и потому Евреямъ не было доступу къ козацкой Украинѣ ⁽⁸⁾. Они начали вкореняться здѣсь только въ царствованіе Ека-

⁽¹⁾ Обязательство. — ⁽²⁾ Съ лихвою. — ⁽³⁾ Слово *мѹсити* Климентій пишетъ почти всегда чрезъ *ль*, котораго звукъ въ украинскомъ выговорѣ соответствуетъ моему *і*. — ⁽⁴⁾ Красоту. — ⁽⁵⁾ Горести. — ⁽⁶⁾ Нуждѣ, бѣдности. — ⁽⁷⁾ Поэтому-то.

⁽⁸⁾ Самое слово *аренда* было ненавистно гетманскимъ Украинцамъ, какъ видно изъ »миѣнія Мазепы объ уничтоженіи въ Малороссіи аренды«, посланнаго въ Москву въ 1692 году, въ отвѣтъ на указъ царскій, въ которомъ сказано, что, по случаю аренды, устроенной въ малороссійскихъ городахъ, и мѣстностей, данныхъ разнымъ особамъ, »происходятъ межъ народомъ по-

терины II, когда, съ одной стороны, паденіе козачества, какъ господствующаго (вмѣстѣ съ своею старшиною) сословія, а съ другой — соединеніе обѣихъ придиѣпровскихъ частей Южной Руси, дали этому промышленному народу возможность насѣсть на украинскіе города и прибрать мало-помалу къ своимъ рукамъ большую часть капиталовъ, находившихся въ оборотѣ. Въ одномъ только стихотвореніи говоритъ Климентій о Евреяхъ, но не обозначаетъ мѣста, которое они занимали тогда въ Геманщинѣ, и такъ-какъ умалчивается о нихъ въ описаніяхъ шинковъ, рынковъ и торговыхъ людей, то надобно полагать, что это стихотвореніе относится къ Польской Украинѣ.

О Циганахъ и о Жидяхъ.

Цигане да Жиді єдні єднімъ равни,
 понєважъ ⁽¹⁾ вельми тпє люде єсть злонравни,
 Бо въ нихъ тілько єсть правди, якъ въ шєлягу сребра...
 бодай имъ безпрєстάνно каті крушили рєбра!
 Же збитчєнее ⁽²⁾ людямъ чинять ошуканства,
 где-кòльвєкъ ⁽³⁾ приїхавши до якòго пánства,
 А землі своєй згòла ⁽⁴⁾ пигдє собі не мають,
 тїлько, не мòвчачи, якъ Цигане пробувають,
 Тако жъ туйатєя и Жиді по всемъ світу
 абі-гдє въ якіхъ зємляхъ и въ котрòмъ повіту.
 А прєдєсяжъ ⁽⁵⁾ гдє єсть Жиді — свої дворі мають,
 а Цигане гдє день, гдє ночъ по світу туйають.
 Якъ не мють домòвъ, щòбъ и щàсті не мали,
 а паостàтокъ жеби и дїблн ихъ побрàли!
 П дай, Гòсподи, абі тòє такъ ся імъ стàло,
 ижъ би на віки тоєй нечистоті не стàло!

Эти послѣдніє стихи дышутъ фанатическимъ духомъ нетерпимости, столь общимъ тогдашней Украинѣ, еще незабывшей кровавой борьбы съ иновѣрцами. Но Климентій одинаково строгъ и безпощаденъ ко всему, что противно его понятіямъ о добрѣ и злѣ. Онъ смягчается только передъ людьми знатными и богатыми, да передъ музыкантами и хмѣль-

сполитымъ вопль и пререканія, а особливо отъ Запорожцовъ прозвонитъ голоса, къ шатости склонные.» — Мазєпа, въ своемъ мнѣніи, говоритъ: «Я аренда здѣсь въ Малороссійскихъ городахъ не такъ налогами своими народу єсть тяжелоносна, какъ самымъ именемъ изъ давнихъ временъ (частию изъ того, что при Польской державѣ Жиды оною владѣли и многіє вымышляющія отягощенія чинивали) єсть досадна и полна безчестія и хулы.» (Числа изд. Боданскимъ, 1839, кн. I, отд. II, стр. 3—6).

⁽¹⁾ Понеже. — ⁽²⁾ Чрезвычайные. — ⁽³⁾ Куда-нибудь. — ⁽⁴⁾ Вовсе.

⁽⁵⁾ Однакожъ, при всемъ томъ.

ми напитками, которые хвалят безусловно. Впрочемъ, хваля музыку вообще, не любитъ козы или волюнки и нападаетъ на дударей, какъ на людей богопротивныхъ. Еще сильнѣе вооружается онъ противъ *воду въ вино ліюущихъ и особъ наклѣны творящихъ піюущимъ*. Это впрочемъ понятно. Но не понимаемъ его гоненія на курителей и нюхателей табаку. Развѣ за то онъ ихъ преслѣдовалъ, что нѣкоторые шинкари *въ горілку, въ судна табакъ вовергають*. Это — фактъ интересный ⁽¹⁾. У него есть цѣлое стихотвореніе о табакѣ.

О табáci и о уживающихъ ея.

Злая вполдилася речъ и всюди есть явна,
же рбзний людъ заживаеъ табáку здавна;
А бáрзій въ Литві тое вѣлми недóбре,
бо жбни и діти ихъ заживають дóбре.
И тутъ такіхъ есть много, же ея вживають;
тиє нбздрами пахають, а тиє втягиають,
И, хто тогó навчівся, и любькою тягнўть.
Потрѣба бъ доконѣчно одъ тогó повстягнўть.
Бо въ немъ часть пекельного дїму обрїтаеъ,
и хто тїгнетъ, то изъ усть тогó смрадъ изхождаетъ.
И хочъ и влáстї тягнуть, еднáкъ не обелъ ⁽²⁾ то чѣстно;
а нбхати найпáче брїдко и безчѣстно,
Кдїжъ, тїнучи димъ, прочъ вонъ изъ усть випущаетъ,
а нбхаючи пáче себѣ оскверняеъ:
Же въ нбздрахъ та печїстость емў остаеъся,
съ чегó чáсомъ и нѣмоць лютая стаеъся;
Бо мозгъ въ головї егó табáка зсушаеъ,
же влáсне ⁽³⁾ якъ швецъ дўбомъ шкўри пересипаеъ.
И не слышитъ табáчникъ збїтний уханїя,
а нї смрадъ, тежъ благоуханїя.
Такóму и свящїства особъ забраїають,
и святїти не всюда такіхъ позволяють;
Бо, хто нбсомъ не чўеъ, не цїль пробуваеъ,
влáсне соста́ву собї якого не маеъ.

⁽¹⁾ Котляревскій упоминаетъ также о *тютюнкóвой горілкѣ*, въ описаніи карикатурнаго рая:

Сидїли, рўки поскладавши,
Для нихъ все празникї булї,
Люлькї курїли полягавши,
Абб горілочку пїлї, —
Не тютюнкóву и не пїнну,
Но третьєпрббну перегїнну...

(Енеида, изд. 1808, стр. 138).

⁽²⁾ Совѣтъ. — ⁽³⁾ Словно.

А священство мість той обичай отъ віка,
 же требуетъ цілого на то чоловіка.
 Есть же и такіе, що інше и ядять,
 и тїе паче Бѣгу и святїмъ всїмъ брїдять.
 А инїе въ горїлку въ сїдна вовергають.
 и, на погїбель собі, людѣй оскверняють.
 Такихъ би годїло бѣ ся не тїлько кїемъ бить,
 алѣ инѣго хочъ би и изъ свїта згубить.
 Осѣбно жѣ инїи навїкъ бардакомъ ⁽¹⁾ тягнѣти,
 презъ котѣрий не еднѣму пришло смїслу збѣти.
 Инїе бо бардакомъ такъ ся затыгають,
 ажъ нагнѣ дѣши свои въ той часѣ пзвергають
 И самїхъ себѣ бїсу офїру ⁽²⁾ давають,
 якъ тїе, що зъ горїлки пїянне вмирають.
 Тїмъ обѣмъ пекѣльна бѣдетъ нагорѣда:
 отѣмѣтъ бо ся отъ нихъ отъ неѣ свобѣда.
 Намъ же по-христїянскїй дай, Христѣ, умиратѣ
 и, позбѣвши всїхъ грїхѣвъ, нѣбо наслѣдоватѣ.

Табакъ, ввергаемый въ сосуды съ горїлкою, возбуждалъ тѣмъ сильнѣйшее негодованіе въ Климентїѣ, что ему было извѣстно, по опыту, другое злоупотребленіе, противоположное, по смыслу своему, этой коварной заправѣ, именно — подмѣсъ воды въ горїлку. Изъ его стихотворенія по этому случаю мы выводимъ печальное заключеніе, что Евреи, удалясь изъ нашей Украины, оставили въ ней своихъ преемниковъ между христїянами, которые не уступали имъ въ фальшивой продажѣ вина ⁽³⁾. Какъ бы ни была совершенна сама по себѣ религія, которую исповѣдуетъ человѣкъ, она не спасаетъ его отъ низостей, если въ его нравы и обычаи не проникнула религіозность путемъ разумной проповѣди. Деспотизмъ гетманскаго правленія во времена Мазепы подавлялъ свободный протестъ противъ чиновныхъ покровителей неправды; вѣрученіе ограничивалось догматикою и утомляло слухъ мірянъ общими риторическими мѣстами. Духовные витїи грозили черни адскими муками, пируя вмѣстѣ съ вельможными особами, потакая ихъ несправедливымъ стяжаніямъ и вообще оставляя ихъ совѣсть въ покоѣ. Мазепа строилъ храмы за храмами, и въ то же время предавался необузданности страстей сво-

⁽¹⁾ Табакомъ. — ⁽²⁾ Жертву.

⁽³⁾ Мазепа, въ 1692 году, писалъ въ своемъ универсалѣ: »Да и за то не меньше намъ приходится негодованіе на старшину, что и того не досматриваютъ, дабы въ арендахъ подмѣшеное и мѣрою умаленное не продавано было вино, которымъ образомъ нѣкоторые шинкари или шинкарки дерзають безбоязненной въ черни чинить обманъ«, и пр. (*Чтенїя*, изд. Бодянскимъ, 1859, кн. I, отд. II, стр. 9).

ихъ. Все въ Украинѣ шло на основаніи права сильного, и только путемъ хитрости и низкопоклонства можно было талантливому человѣку пробраться къ высшимъ должностямъ, чему живымъ примѣромъ былъ самъ гетманъ, добравшійся до булавы угодничествомъ, коварствомъ и подкупомъ. Не мудрено, что въ его правленіе Климентій набрелъ на слѣдующую тему для стихотворства:

*О купцѣхъ и о продавцѣхъ фальшивихъ и о продающихъ вино и
воду въ вино (сирѣчь въ горілку) ліющихъ и о особъ наклѣни
творящихъ піющимъ для душеубищихъ имъ прибитковъ.*

Отъ вамъ тремъ персонамъ тѣе ся звѣщаєтъ,
же за тѣе васъ всѣхъ гнівъ Божій ожидаєтъ,
Понѣважъ то у вино воду мішаєте
и Бѣгу кріпко, кріпко тимъ согрѣшаєте. ⁽¹⁾

Климентій, въ качествѣ моралиста, считалъ долгомъ своимъ проповѣдывать воздержаніе отъ хмѣльныхъ напитковъ, такъ какъ съ неосторожно выпившими случаются разныя непріятности, но пьяницъ вообще увѣщаваєтъ онъ снисходительно, а въ слѣдующемъ стихотвореніи сознаєтся, что и самъ не былъ врагомъ Бахуса.

*О крилошанахъ, збитне ⁽²⁾ трѹнокъ горілочаний заживающихъ
и на ўтреняхъ въ церквѣхъ небивающихъ.*

Не дивно есть горілку крилошаномъ не въ часъ пѣти,
алѣ найдивнѣйшъ въ цѣрквѣ ўтрѣні не пропустѣти.
Бо за слѹжбу Божію не такъ старшини караютъ,
а за непритѣмность ўтреннюю не пропуцають.
Кди жъ ўтреню подвигомъ великимъ називають,
а за литургію, любъ большъ важнѣйша, пробачають.
Въ часъ слѹжби Божой не всякъ человекъ можетъ спѣти,
а до ўтрѣні, хочъ звонъ чѹєтъ, не хочетъ встѣти.
Зачѣмъ ўтренний подвигъ на свѣтѣ есть дивнѣйшій,
а до слѹжби Божой южъ не тако чуднѣйшій.
А такъ, братіє, до ўтрень ся спѣшімо,
хочъ часомъ, ложася спѣти, и горілки напімо.,
Бо трукѣвѣмъ людемъ трѹдно и не винивѣти,
жебіи на гѣлосъ и на весѣлосъ здобувѣти.
И прибѹдетъ охѣти до всего: писецъ сей самъ знаєтъ,
ижъ то таковій обѣчай и собѣ маєтъ.
И дай, Бѣже, помѣрно кождимъ заживѣти,
да не бѹдутъ тебѣ и людемъ проступѣти.

⁽¹⁾ Въ рукописи не достаєтъ въ этомъ мѣстѣ четырехъ листовъ.

⁽²⁾ То.

Еслибъ Климентій доучился до конца въ семинаріи, или принадлежалъ къ старшимъ монахамъ, онъ бы, въ своихъ поучительныхъ стихахъ, строго держался общимъ выраженіемъ, сквозь которыя столь слабо пробивается дѣйствительность. Но тутъ онъ выражаетъ не искусственный, а натуральный взглядъ на свое званіе и на свое дѣло. Такъ разумѣли себя и свое ремесло многіе, если не все его собратья, по тогдашнему состоянію вѣроученія, основаннаго на одной формѣ. Онъ простодушно называетъ классъ людей, къ которому принадлежитъ, *трунковыми людьми*. По его мнѣнію, иначе и быть не возможно въ положеніи крылошанина. Подвигъ у него означаетъ не болѣе, какъ буквальное выполненіе дѣла, которое не имѣетъ, по его мнѣнію, никакой связи съ трезвою и благочестивою жизнію. Въ другомъ стихотвореніи онъ описываетъ приходскихъ причетниковъ, бросая тотъ же тупой и, можно сказать, хмѣльной взглядъ на ихъ дѣло. Исчисливъ трудности причетническаго дѣла при церкви, онъ говоритъ:

И треба всіми жілами добре ся надувать,
жебѣ гортань могъ глѣдко и гблосно співать.
Треба жъ часомъ для сили чимъ ся и посиліть,
меновіте, хочъ не въ часъ, горілки ся напіть,
А за гріхъ той Бѣгу ся помоліти,
жебъ онъ півцѣвъ своїхъ (за нѣмощъ) рачилъ ⁽¹⁾ простіти.

Наконецъ, отложивъ всякое житейское попеченіе, онъ воспѣлъ просто-напросто вакхическую пѣсню, озаглавивъ ее сиче:

Вірши похвѣльніе любячимъ пиво пїти, илї тежъ за єднимъ заходомъ и всякъ трўнокъ, кому не шкодить, або не вѣдить.

Котрій, мовять, чоловікъ добре випиваєть,
тѣди такому панъ Богъ на пиво даваєть.
Хочай-то и такъ прѣвять, же пиво не дїво,
єднакъ добре, гди зтрѣха горло промочило:
До людей виразнійше бѣдетъ глаголати,
и въ цѣркві на кріласі глѣдшей заспівати.
Зачімъ, панѣве, собі здоровіи бувайте,
а гди ли кольвекъ пива, — добре потягайте.
А въ голові, здоровій, все не перебирай,
да вшелякий напітокъ зѣровно випивай.
Бо въ жѣрна дѣбріе що вкинь, мовять, то змѣле.
похвали и ти менѣ за то, чѣстний хмѣле!
И сѣржикъ хто любить, — хлѣбъ зъ него уживаєть;
и просїяний, овсяний — все то кормъ биваєть;

(1) Благоволилъ.

А хто єдно щб любить, тогб и держіся, —
 хочь штані заставъ, иді у корчмъ, напи́ся.
 Ті́лько жъ про́шу — и штановъ на-вікъ не покида́й:
 сла́вная то оде́жа, — найскоро́йшъ вику́плай.
 А на ме́не за сей віршъ, про́шу, не дивіть,
 да, якъ бу́дете піти, то й ме́не вспомя́нїть.

При всей нескладности и тупости своихъ стиховъ, Климентій характеризуетъ современное ему общество уже однимъ личнымъ взглядомъ своимъ на разныя явленія тогдашней жизни. Интересно у него описаніе сельскихъ бурсъ, называвшихся *школами*. Подъ именемъ школяровъ надобно разумѣть здѣсь не вольноприходящихъ учениковъ, а постоянныхъ обитателей школы, такъ называемыхъ *нищуровъ*, то есть безродныхъ и безпріютныхъ спроть, поступившихъ, такъ сказать, подъ опеку церкви. Подъ руководствомъ дьячковъ и пономарей, они не рѣдко отправлялись на фуражировку по дворамъ безпечныхъ поселянъ, почему и назывались *курохватами*. Школа была также пріютомъ для такихъ странниковъ, какъ самъ Климентій. Члены прихода видѣли въ ней нѣчто въ родѣ страннопріимнаго дома и вмѣстѣ свободнаго училища при церкви; по испорченные бурсами дьячки и пономари обращали это благочестивое заведеніе въ пріютъ праздности, пьянства и мародерства. Климентій, глядя на все это снисходительно, упустилъ изъ виду многія характеристическія черты старинной приходской школы и коснулся только воровства дровъ, да и то для того, чтобъ оправдать школяровъ, — вѣроятно, за ихъ гостепріимство.

О школярѣхъ, дрѣва крадущихъ и о школѣ.

Школа — церковный уголь. Такъ ся назива́еть,
 кднѣжъ церкѣвнихъ набожѣнствъ дітѣй навча́еть,
 И що въ церкѣві права́ть, то и въ школѣ знайдѣ́уть,
 а безчѣиний въ ней жа́днихъ нѣгди не знайдѣ́уть.
 Бо мо́вають: *Школа всѣкимъ стра́ннимъ домъ есть во́льний;*
 але́ една́кже пра́ве онъ не свояво́льний.
 И причѣ́тниками тежъ школя́ре ся именѣ́ють,
 понѣважъ церкѣві свято́й щі́ре услу́гують.
 А що ча́сомъ вкра́дуть дрѣвъ, же не мѣ́ють где взятьъ:
 мѣ́щане и селя́не не хотя́тъ купова́ть.
 А зна́ю, же бъ тимъ діло́мъ лю́де не згрѣ́шили,
 ижъ би ко́гда на якій возо́къ ся зложи́ли.
 Годі́ло бъ ся церкѣвнимъ слѣ́гамъ то вчині́ти,
 аббъ зъ дво́ра готѣ́вихъ імъ не зборо́нїти.
 Мо́гло бъ милости́нею и то́е ся назва́ти,
 а імъ би ра́чили за то Бо́гъ нагорожа́ти.

Приповість же въ школярѣвъ: *Не вкравъ, а́лѣ доставъ.*

А ти, Бѣже, за дрѣва грѣха́ імъ не поставъ.

А по козацькій, хочъ вкравъ, то мѡвять, же добувъ.

Кѡждий, розумію, коза́къ о томъ словѣ чувъ.

А ви, панѡве, за сей віршъ не подивіте,

и кто е́го написавъ, и то́го простіте.

Бо е́дѣнь бѣдний школя́ръ, прозвѣніемъ Трі́сця,

где живѣ и где бѣдетъ житъ, не ма́тъ е́му щастя.

А хоча́й онъ, въ сві́ті живучі, вѣлми ся стражда́еть,

только́ жъ, бѣдний и вѣлми мизѣ́рний, свою́ то́рбу въ скрі́ню хова́еть.

Четыре послѣдніе стиха, приписанные другими чернилами и менѣе старательнымъ почеркомъ, безъ сомнѣнія, относятся къ самому автору. Мы видимъ, что школярами онъ называетъ всѣхъ, живущихъ въ школѣ; а такъ какъ, по его словамъ, «школа всякимъ страннымъ домъ есть вольный», то, вѣроятно, не ужившій въ монастырѣ, по своимъ довольно свободнымъ привычкамъ, онъ пріютился въ обществѣ мірскихъ «крыланъ», гдѣ ему не возбранялось «для силы чимъ ся и посилить». Проще сказать — онъ, вѣроятно, возвратился къ первоначальному своему ремеслу и, пожалуй, занялъ мѣсто приходскаго дьячка въ школѣ. Догадку свою основываю на томъ, что такими же блѣдными чернилами и такимъ же скачущимъ почеркомъ приписано у него еще нѣсколько мѣстъ, отличающихся школярескимъ вольнодумствомъ. Такъ, напримѣръ, разсужденіе о священническомъ двоеженствѣ, противъ запрещенія котораго онъ возстаётъ съ энтузіазмомъ страдающаго человѣка; стихотвореніе въ пользу женщинъ, рождающихъ дѣтей вкорѣ послѣ брака, и другое стихотвореніе, оправдывающее дѣвицъ, сдѣлавшихся матерями. Эти два послѣднія стихотворенія отличаются саркастическою веселостію, но виѣсть съ тѣмъ и необычайной даже у самого Климентія свободой выраженій. При всемъ томъ это вовсе не сатира на порчу нравовъ, а увлеченіе страстнаго человѣка. Надобно замѣтить, что и въ стихотвореніяхъ, написанныхъ имъ прежде, онъ часто обращается къ женщинамъ не слишкомъ строгой нравственности и только подшучиваетъ надъ ними, но не выражаетъ отвращенія къ ихъ продѣлкамъ. Не разъ, заведя рѣчь тономъ келейнаго философа, онъ переходитъ въ тонъ свѣтскаго балагура, а однажды договорился до такихъ стиховъ, что самъ ихъ перечеркнулъ Андреевымъ крестомъ. Словомъ, стихотворца Климентія надобно отнести къ разряду странствующихъ иноковъ, представленныхъ Пушкинымъ въ *Борисѣ Годуновѣ*. Въ разсужденіи своемъ о школярахъ и школѣ, онъ говоритъ, что въ школѣ никогда не бываетъ никакихъ безчинствъ и

что это домъ, чуждый всякихъ своевольствъ. Онъ не говорилъ бы этого, еслибъ не существовало въ тогдѣшнѣмъ обществѣ противоположнаго понятія о школѣ. Замѣчаніе наше подтвердимъ его апологіями въ пользу лицъ духовнаго званія и вообще людей *письменныхъ*, въ которыхъ апологіяхъ онъ приводитъ слова и мысли, порожденныя въ мірянахъ безчинствами и злоупотребленіями его ученой братіи. Изъ стиховъ, которые мы тотчасъ приведемъ, видно, между прочимъ, что міряне стояли, въ Мазенино время, въ оппозиціи съ духовенствомъ. Несогласія происходили частію отъ взаимныхъ притязаній на поземельную собственность, такъ такъ монастыри и церкви не упускали случая увеличить свои владѣнія, во отпущеніе грѣховъ отходящимъ изъ сего міра, частію отъ контроля, которому ктиторы и прихожане старались подвергнуть церковные сборы, а частію и отъ неблаговиднаго поведенія многихъ лицъ духовнаго званія. Хотя Климентій безусловно защищаетъ свою братію, однакожъ намеки на испорченность ея нравовъ, сдѣланные имъ неумышленно, слишкомъ бросаются въ глаза современному читателю.

О чинящихъ пакости монастырѣмъ и церквамъ,

Каменние, зная, сердца въ тихъ людей биваютъ,
 котріе монастырѣмъ пакость сотворяютъ.
 Люде на обители святіе давають,
 а они готовое отъ нихъ отдаляютъ.
 Негодни таковыя ктитори похваля,
 але достойни тѣ всякой неславы,
 Же то Христіянами себѣ називаютъ,
 да, власне басурмане, церкви разграбляютъ.
 Не хощемъ ми ктитореи такіхъ мѣти,
 лечь жебъ съ прислугами ихъ не билъ на свѣтѣ.

— — —
 Але овшемъ пакостить уже перестаньте,
 а благотворить церквамъ и обителемъ станьте.
 А хочъ на монастырѣ ніщо не давайте,
 то припѣмній ⁽¹⁾ готѣвихъ речей не отнимайте...

О хулящихъ чинъ духовный.

И той человекъ вѣлми зле поступовѣетъ,
 котрій на чинъ духовный хулѣ наносѣетъ.

(1) По крайней мѣрѣ.

А інний зліє слова о духовнихъ говорить,
и многіи чудеса неподбно творить⁽¹⁾.
И абі не постигло зло тихъ чудотворцовъ,
же хулять священниковъ, своїхъ боломольцовъ.
Уже жъ хочъ отъ сего дня въ шайности їхъ мійте,
и слѣшати їхъ словесъ и въ любви мѣть хтійте...

*О невілѣсахъ⁽²⁾, укоряющихъ тихъ людей, котріє Писаніємъ
Святимъ викладають что полезное на пользу ихъ, а они (не-
разсѣдніе голови) злословятъ и ненавидятъ тихъ тружѣдатель,
на добріє діла писаніємъ навчающихъ и спасенія імъ желаю-
щихъ.*

Знайте и разумійте таковіє люде,
что вамъ за тіє рѣчи въ послѣдній день буде.
Пропшѣ васъ, наставниковъ своихъ не хуліте,
але повинуйтеся и Бога (за нихъ) моліте...

О писаніи святѣмъ и о учащихъся его.

И хто Писаніє Святѣе зневажаєтъ,
такий вѣлыми Господу Богу согрѣшаєтъ.
Бо інний мовить, же зъ письменнихъ все зло биваєтъ;
нехай за его лганіє на его обращаєтъ,
И обратітся, же слѣпъ дерзаєтъ вождѣвъ хуліти;
будеъ бо певне его Богъ за тоє судити.
Изнобу жъ мовять: «Презъ письменнихъ западеъся свѣтъ.»
Щобъ той самъ запался! а того и по сей часъ нѣтъ.

Замѣчательно, что вообще между письменными и неписьменными существовалъ тогда разладъ. Грамотѣи смотрѣли съ-высока на неграмотныхъ и казались сами себѣ чѣмъ-то облагороженнымъ. Неграмотные, напротивъ, потеряли вѣру въ книжный народъ и дошли до убѣжденія, что міръ погибнеъ черезъ письменныхъ. А вотъ стихи Климентія о неписьменныхъ.

Яко такожъ трѣзвому изъ пѣнимъ обитать,
тако и письменному изъ прѣстимъ пробовать;
Бо въ прѣстого мужика прѣстий есть обичай,
а въ письменного особний, політичний звичай.
Зачімъ перестанте, простаки, письмо блюзнити,
бієте ся не могли въ пропастъ вічну потопити...

(1) Намекъ на знахарей, которые, обладая сравнительно высшимъ умомъ между мірянами, естественно сильнѣе другихъ порицали недостатки людей духовнаго званія.

(2) О людяхъ непроевѣщенныхъ, язычникахъ.

Видно, однакожь, что этотъ *політичний зайчай* клонился не къ тому, чтобы, съ помощію грамоты, распространять добро между людьми темными: иначе — простой мужикъ, въ простотѣ своего обычая, не возвышалъ бы голоса противъ грамотѣевъ и не упрекалъ бы ихъ въ беззаконіяхъ. Печальное понятіе даетъ простодушный стихотворецъ Климентій о временахъ Мазепы. Литовскій статутъ былъ позабытъ военными администраторами и оставляемъ безъ вниманія людьми сильными. Развитая Мазепою, въ подражаніе Польшѣ и Петровой Россіи, канцелярская наука была сѣтями, въ которыя опасно было попасть человѣку простоватому или безпомощному. Самая грамотность, павшая въ народѣ въ теченіе *великой руины*, или войнъ, затѣянныхъ Хмельницкимъ и долго свирѣпствовавшихъ по его смерти въ Украинѣ, начала возрождаться въ приходскихъ школахъ и бурсахъ въ антинародномъ направленіи. Въ старину народъ учился для того, чтобы противостать католикамъ и униатамъ, — для того, чтобы крѣпко стоять въ своемъ вѣроученіи противъ иновѣрческихъ толкованій. Со временъ Мазепы, или съ возрожденія школъ, опустошенныхъ и унесенныхъ Богъ знаетъ куда войнами, ни у духовенства, ни у мірянъ не было уже могущественнаго побужденія къ преуспѣянію въ познаніи истины, какъ ее понимали въ XVII вѣкѣ. Покушенія на порабощеніе Риму священства и прихожанъ не существовали болѣе въ предѣлахъ гетманской Украины. Поэтому явилось новое побужденіе къ грамотности, котораго, конечно, не исключалъ и періодъ униі, но которое тогда подчинялись другимъ, болѣе сильнымъ порывамъ, — именно побужденіе выдти въ люди. Выдти въ люди значило тогда, какъ и теперь значить, возвыситься надъ первобытнымъ своимъ состояніемъ. Желаніе, по видимому, невинное; но, при упадкѣ въ то время гражданственности, которая развилась было до значительной степени въ Украинѣ прежде *великой руины*, при упадкѣ также промысловъ и торговыхъ оборотовъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, лица, овладѣвшіе искусствомъ писанія и вышедшіе въ люди, естественно должны были проявить свою дѣятельность не въ чемъ иномъ, какъ только въ кляузахъ, въ обманахъ и притѣсненіяхъ неграмотной, простосердечной части населенія. Возвысися надъ первобытнымъ своимъ состояніемъ, грамотѣи, къ какому бы званію они ни принадлежали, стремились увеличить средства своего существованія. Для этого они угодничествовали передъ вышними, интриговали съ равными, тѣснили низшихъ и угнетали при всякомъ удобномъ случаѣ слабыхъ. А такъ какъ слабыхъ и безпомощныхъ была сравнительно огромная масса въ Украинѣ, то имъ больше всѣхъ, имъ скорѣе

всѣхъ и доставалось отъ грамотѣвъ, вышедшихъ въ люди изъ ихъ толпы. Поэтому-то народъ не благоволилъ къ *письменнымъ*, видя отъ нихъ одни посягательства на свой достатокъ. Еслибы тогдашнее духовенство, управлявшее просвѣщеніемъ народнымъ, отъ высшихъ до низшихъ школъ, поняло свое призваніе и направило грамотность къ умственной свободѣ темныхъ людей, и вълѣдствіе того къ сознанію и сохраненію личныхъ правъ своихъ, — изъ гетманской Украины вышло бы совѣтъ не то, что вышло. Но въ томъ и дѣло, что, послѣ *великой руины*, оказался страшный упадокъ высшихъ школъ, которыя давали приходамъ священниковъ. Типографіи, заведенныя даже въ такихъ городахъ, какъ Новгородъ-Сѣверскъ, исчезли безъ слѣда. Кіевская лавра одна производила издѣлія книгопечатанія для всей Гетманщины, ограничиваясь одними церковными книгами. Средневѣковая схоластика, пересаженная на Русскую почву, сдѣлалась послѣ *руины* еще тупѣе, нежели была во времена Петра Могилы. Семинаристовъ, въ новозаведенныхъ семинаріяхъ, не учили, а мучили, и выходили изъ нихъ люди, слишкомъ далекіе отъ того, чтобы понимать, что значить народъ и каково ихъ назначеніе относительно народа. Стихотворецъ Климентій, будучи іеромонахомъ и, вѣроятно, прежде того попомъ приходскимъ, очень наивно говорить, что *письменному* толковать съ *неписьменнымъ* все равно, что трезвому съ пьянымъ. Грамотность и семинарское образованіе, по его убѣжденію, нужны собственно для попа; отношенія же его къ народу и значеніе его въ кругу мірянъ онъ опредѣляетъ слѣдующими словами:

И кгда бѣ не священники, и церквей би не билѣ,
не билѣ би законъ, алѣ беззаконіе бѣ билѣ;
Бо законного браку не мѣжно бѣ составляти,
попѣважъ би не билѣ кому шлюбовъ даяти;
Также христіанами не могли бѣ ся называти,
кгда бѣ раждаемыхъ дѣтей нікому билѣ крещати.

По этому видно, что для тогдашняго духовенства средство сдѣлалось цѣлью, а истинная цѣль христіанства скрылась отъ него за облаками догматики и общихъ, потерявшихъ свою силу и значеніе, выраженій о спасеніи души, о царствѣ небесномъ, о мукахъ, ожидающихъ грѣшниковъ за гробомъ, и т. п. Чѣмъ чаще были на устахъ у поповъ эти выраженія, тѣмъ слабѣе и слабѣе дѣйствовали они на душу прихожанъ, и особенно, когда обѣщалъ царство небесное тотъ, кто своими дѣлами показывалъ, что не заботится о немъ, или грозилъ загробными мученіями проповѣдникъ, по видимому нисколько ихъ небоявшийся. Мнѣ рѣдко слу-

чалось читать акты временъ Мазепы, которые большею частію истреблены пожарами въ Батуринѣ и въ другихъ городахъ во время Шведской войны; но вотъ нѣсколько фактовъ изъ архива Н. А. Маркевича, относящихся ко временамъ близкимъ къ гетманству Мазепы. Они покажутъ слишкомъ ясно отношенія, въ которыя поставило себя гетманское духовенство съ мірянами, по уничтоженіи униі, ненавистной той и другой сторонѣ.

Въ гетманство Скоропадскаго, архимандритъ Густынского монастыря, Гавріилъ Леопольскій, жаловался въ генеральную канцелярію, что судья Ягельницкій записалъ въ козаки двухъ посполитыхъ (простыхъ поселянъ) монастырскихъ, не объявивъ о томъ монастырю. Монахъ-управляющій, не зная о томъ, потребовалъ ихъ на работу. Ихъ домашніе побѣждали въ судъ, а оттуда съ поручикомъ Невскаго полка — въ Заудавескій монастырскій дворъ, вломились въ домъ, вышибли окна, монаховъ, тамъ спящихъ, избили палками, плетью и кулаками, вырвали имъ волосы и бороды. Эконома въ одной рубахѣ вели пять веретъ, потомъ положили на возъ, привезли въ Прилуку и держали на дворѣ до разсвѣта, привязавъ къ колесу.

Такое почти невѣроятное ожесточеніе противъ монашествующей братіи объясняется слѣдующими фактами:

Какой-то Петръ Пасичникъ жаловался гетману Скоропадскому, что монахи схватили его и посадили въ тюрьму за то, что былъ кѣмъ-то украденъ въ ихъ пасикѣ одинъ улей пчелъ. Этого не довольно, »але ще й сина мого, хлопця, черезъ тижнівъ три розками бито, всякого дня даючи по сто розокъ, допрошуючи, чи не скаже того злодійства на своего батька.«

Въ 1728 году войсковою канцеляріею Лисаневичъ жаловался гетману, что архіепископъ черниговскій и новгородъ-сѣверскій, Продіонъ, послалъ 60 человекъ дяковъ, пономарей, поваровъ, слугъ и конюховъ загородить ему ото всѣхъ улицъ проѣздъ. Они напали на него, стащили съ коня, сорвали саблю, потащили въ »катедру« и посадили на три недѣли подъ стражу. При этомъ его ограбили: взяли пару коней, сбрую и оружіе.

Въ 1730 году, отаманы сотни Иванпольской (или Янпольской) жаловались гетману въ слѣдующихъ выраженіяхъ: »Черницы Новгородскіе (т. е. новгородъ-сѣверскіе), якъ прежде за козацтво наше смертнымъ боемъ бывали, отъ якого иные и померли, и со всеми нашими пожитками розорували, такъ и теперъ вышеупомянутые черницы, дочувшися, що,

якъ диды и отцы наши въ разныхъ походахъ службу козачую одбывали, и мы похотили такожь служить, напали ночью, иныхъ повязавши козакъ, были безъ пощады, отправившы въ монастырь Новгородскій въ турму; а было, кони, товаръ рогатый, овцы, свини со всимъ нащадкомъ до монастыря своего отобрали. Того рады всепокорственно просымо, дабы чернцы болшъ насъ не мучылы. Тутъ же приложенъ реестръ монастырскихъ селъ, въ которыхъ монахи записали козакъ въ подданство.

Въ 1734 году Андрей и братъ его Яковъ Полуботки жаловались князю Шаховскому на архіепископа Иродіона, что онъ послалъ монаха-кошняго, а другого монаха-старца съ двумя-стами школьниковъ, съ дубьемъ, цѣпами и возами, на домъ Полуботковъ. Орда выломала ворота; ворвалась на дворъ, людей хватала, колотила, вязала; оторвала замки, вышибла стекла въ окнахъ и все пожитки дочиства увезла къ Иродіону. На запросъ князя Шаховского, Иродіонъ отвѣчалъ, что будто бы вступился за дѣтей Якова Полуботка, противъ распоряженій ихъ отца; но неизвѣстно, возвратилъ ли пожитки. Извѣстно только, что фамилія Полуботковъ обѣднѣла и что фамильный каменный домъ ихъ, на который сдѣланъ набѣгъ, принадлежитъ нынѣ Черниговской семинаріи.

Въ 1737 году, Прилуцкіе судья и писарь доносили князю Ѳ. Ив. Борятинскому, что іеромонахъ Густынскаго монастыря Логвинъ и монахъ Харлинскій, по приказу игумена Гавріила Леопольскаго, схватили, по какому-то подозрѣнію, какого-то Карпенка изъ дому его въ Ольшанѣ, привезли въ монастырь и начали «по самой сорочки бить шелепами, т. е. плетью товастыми, гораздо, такъ що и кровь крузь сорочку показовалася, и оный Карпенко тамъ же въ монастыри, по томъ бою, и умре.»

Не удивительно послѣ этого, что міряне, по словамъ стихотворца Климентія, дерзали хулить своихъ *вождовъ*. Въ 1732 году коронской сотникъ Химчицъ былъ отлученъ отъ церкви и судимъ за то, что сказалъ: «Я самому Богу не вѣрую, а не то вамъ, попамъ.» А въ 1727 году, на второй день свѣтлаго праздника, трое прихожанъ (не помню какой церкви), съ родными и женами, вошли въ церковь и ругали священника, который боялся выйти изъ алтаря. Въ наше время подобные факты не возможны, и по нимъ можно судить, каково было духовенство оплакиваемой многими Гетманщины, когда школьникамъ въ семинаріяхъ преподавались такіе уроки, какъ набѣгъ, подъ предводительствомъ монаховъ, среди бѣла дня, какъ произвольныя истязанія и убійства посреди мона-

стырей. Что дѣлали до великой руины іезуиты и уніаты съ православными, то послѣ руины усвоили себѣ монахи украинскіе относительно своихъ единовѣрцевъ. Не напрасно отаманы Ямпольской сотни, жалуясь на монаховъ въ 1730 году, вспоминали, что монахи и *прежде за козацество смертнымъ боемъ бивали ихъ*. Монастыри, разжегши въ козакахъ вражду къ католикамъ и уніатамъ, первые воспротивились возстанію простонародья, изъ опасенія лишиться обычныхъ доходовъ съ земель своихъ, и просили Хмельницкаго запретить монастырскимъ подданнымъ вступать въ козачество. Хмельницкій, дорожа отзывами монаховъ, пожертвовалъ для нихъ вовсе для него неопасными посполитыми, и это была первая изъ его уступокъ, которыя, какъ извѣстно, окончились тѣмъ, что козаки отреклись отъ своихъ соучастниковъ въ побѣдахъ надъ шляхтою. Въ *Актахъ, къ Западной Россіи относящихся* (т. V, стр. 85) напечатанъ слѣдующій весьма важный универсалъ 1648 года декабря 28:

«Всѣмъ вообще и каждому зособно подданнымъ монастыря Печерского, до инокинь того монастыря въ селѣ Подгорцахъ належачымъ, и новымъ козакомъ, симъ листомъ моимъ гетманьскимъ ознаймуемъ и владою нашою гетманьскою сурово напоминаемъ, абысте, яко вы, подданные, такъ и тые, которые съ охоты своее, подъ тотъ часъ въ козачество не хотячи, до того монастыря работы и повинности отправляти удалися, честной законницѣ, госпожѣ Магдалинѣ Бѣлецкой, игуменьѣ Кіево-Печерской, и всѣмъ сестрамъ о Христѣ того жъ монастыря послушны были, и повинности и работы всякіе отправляли, постерегаючи на себе войскового каранья. Бо мы со всемъ войскомъ не хотимъ отъ монастыровъ, особливо отъ убогихъ законницъ, подданныхъ отыймовати. Дастъ Богъ на услугу войсковую охочихъ и безъ людей церковныхъ. А васъ и повторитъ напоминаемъ, абысте вы вси, которые въ Подгорцахъ знайдутесь, законницамъ Печерскимъ по старому послушенство отдавали. А если розказанью и листу нашему хто изъ васъ спротивится, таковой, яко войсковый непріятель и зневажачъ листу нашего, горломъ караный будетъ.»

Забывая больше всего о своихъ доходахъ, монастыри у каждаго гетмана выпрашивали себѣ новые универсалы и подтвержденія старыхъ, и вѣрно держали за руки приписныхъ къ своимъ землямъ поселянъ. Въ бібліотекѣ Черниговской семинаріи хранятся *Листы Лазаря Барановича*, изъ которыхъ видно, какъ этотъ хитрый человѣкъ ласкался по очереди ко всѣмъ козацкимъ предводителямъ, отъ Сомка до Самойлови-

ча, и кого вчера считалъ злодѣемъ, сегодня превозносилъ похвалами, и наоборотъ, смотря потому, какъ служило этимъ честолюбцамъ счастье. Ни политическихъ, ни соціальныхъ убѣжденій большинство старинныхъ украинскихъ монаховъ не имѣло; о спасеніи душъ христіянскихъ заботилось на словахъ, а всей душой работало для собственной корысти, или для удовлетворенія тщеславія. Лучшіе изъ нихъ, передовые люди ихъ корпораціи, въ своихъ сношеніяхъ съ властями только и говорятъ, что о *мастностяхъ* да о доходахъ. Ни у одного не видно самоотверженія въ пользу труждающихся и обремененныхъ; никто не подвизался безкорыстно для просвѣщенія своего края. Заводимыя ими школы были не что иное, какъ фабрики, въ которыхъ, за извѣстную плату и подарки, выдѣлывали грамотевъ. Если же и воспитывались въ этихъ школахъ *gratis* дѣти убогихъ родителей, то испрашивали сами себѣ пропитаніе у горожанъ, какъ объ этомъ очень трогательно рассказываетъ Шафонскій ⁽¹⁾, или живились такъ, какъ описано въ стихахъ Климентія. Главное вниманіе монастырей, или ихъ настоятелей, сосредоточено было на *мастностяхъ* и подданныхъ. Въ окружномъ посланіи черниговскаго архіепископа Іоанна Максимовича, 1706 года, сказано, что, по установленію гетмана Мазепы, запрещено было «тяглымъ переходити въ козаки, такожде и козакамъ въ тяглые.» Но, какъ подданные катедральные, села Ястребщины, «пошли самовольне, безъ всякія вины, въ козаки», то онъ счелъ себя въ правѣ, въ качествѣ архіепископа, сдѣлать слѣдующее распоряженіе: «За таково ихъ самовольство, *отчуждаются* они зъ домами своими *Божія благословенія, общенія Христіанского и входу церковнаго*. Кто зъ нихъ или въ домахъ ихъ, умереть — *не похоронити*; буди имъ безъ обыклаго пѣнія церковнаго погребеніе. Кто народится въ домахъ ихъ — *не крестити*. Кто бы ихъ пріялъ въ своей

(1) *Черниговскаго Намѣстничества Топографическое Описаніе*, стр. 33: «... не только достаточныхъ, но и самыя бѣдныя мѣщанскія и козацкія дѣти, съ доброй воли въ вышеписанныя школы идутъ и мірскимъ подаваемъ ежедневныя пицци, списываніемъ для собственнаго и другихъ обученія печатныхъ книгъ живутъ, и терпя голодъ и холодъ, и всякую скудость и нужду, охотно и прилежно учатся....» Далѣе, стр. 283: «(въ буреу) отъ архіерея давали дрова, въ недѣлю нѣсколько разъ печеный ржаной хлѣбъ и на кашу крупа. Однако сія дача столь мала, что еслибы не было народнаго подаванія, то бы они съ голода и холода помирать должны. Когда послѣ полудня изъ классовъ учащихся по своимъ квартирамъ распустятъ, то обыкновенно студенты, жившіе въ буреѣ, или бурсаки, къ сожалѣнію и общему стыду, ходятъ по всему городу подъ окошками, духовныя пѣсни поютъ и за то отъ жителей денежное и съѣстное подаваніе получаютъ.... Нѣкоторые жители, сверхъ сего дневнаго подаванія, снабждаютъ ихъ одѣяніемъ.»

дворъ, съ ними пріобщался и до нихъ пошолъ — тому жъ неблагословенію подлежати будетъ.» (1) Я сказалъ и повторяю опять свои слова, выведенныя изъ обличительныхъ документовъ: »Что дѣлали до *великой руины* іезуиты и униаты съ православными, то послѣ *руины* усвоили себѣ монахи украинскіе относительно своихъ единовѣрцевъ.» Обуздала ихъ только Екатерина II, отобравъ у нихъ въ казну населенныя имѣнія. Во времена Мазепы, неистовства стяжательной братіи были въ полномъ разгарѣ. Мазепѣ, какъ и Хмельницкому, надобно было ладить съ духовенствомъ, для удержанія своей власти надъ народомъ. Онъ строилъ церкви; онъ закрѣпостилъ монастырямъ тяглыхъ, запретивъ имъ освобождаться посредствомъ вступленія въ козаки; онъ угождалъ духовному чину, елико было возможно. Еслибы онъ былъ, по успѣху своего замысла, вторымъ Хмельницкимъ, ему бы архіереи сочиняли силлабическія гимны; но, какъ его постигла неудача, то они торжественно предали его проклятію. Стихотворецъ Климентій смотрѣлъ, какъ всѣ, на переходѣ простыхъ земледѣльцевъ въ козаки и, вѣроятно, въ видахъ монастырскато увѣщанія, помѣстилъ въ своей книгѣ сатиру на мужиковъ, которымъ онъ отъ всего сердца желалъ оставаться неизмѣнно мужиками. Эта сатира — родная сестра его стихотворенію о переходѣ подсосѣдковъ съ однихъ земель на другія. Тамъ и здѣсь онъ угождаетъ сильнымъ міра селянамъ, которыми въ то время были паны и монахи.

О вписующихся въ козаки дурныхъ мужикѣхъ и злову вписуватися хотѣщихъ.

Тожесь, дурный мужіку, бѣрзе неуважний,
 же тѣлько безчѣстишь чинъ козацький поважний.
 Засягнешь тогѣ чину, алѣ погоржаєшь:
 не бѣвши въ войску, южъ вѣступить гадаєшь.
 Нѣхтѣ ты вписувати, нѣтъ, не приневоляль,
 алѣ самъ ся зъ дѣброй волѣ естѣсь вписаль;
 А не хочъ съ козаками у войско завитать,
 якъсь не хотѣлъ предъ тимъ тѣглости отбувать.
 Прѣто берѣзовимъ пірѣмъ вписувать тя трѣба,
 и худѣбу, кѣди маєшь, на ратушъ взять потреба,

(1) Этотъ драгоценный документъ сообщенъ мнѣ, вмѣстѣ со многими другими, ревностнымъ собирателемъ старинныхъ украинскихъ актовъ Н. М. Кошеверскимъ, который собственноручно скопировалъ для себя такъ называемую *Книгу копѣальную царскихъ Грамотъ и Универсаловъ гетманскихъ*, находящуюся въ библіотекѣ Черниговской семинаріи, подъ № 33. Въ этой копѣальной книгѣ окружное посланіе архіепископа Максимовича помѣщено на листахъ 121 и 122.

Абі еси, яковѣ козацтво, памятаѣ
и другимъ мужикамъ такъ чинити закаралъ.
Отѣ жъ, гдѣсь не втопѣлся напроѣдъ где у воду,
приймѣ жъ козацкую, Хорбацѣ, нагорѣду,
Бисѣ не запѣмнилъ тоѣй рѣчи ажъ до смѣрти,
покулъ ся обвѣснѣшъ, чи тежъ сѣдитъ вмерти.

Ненавистью и презрѣніемъ дышутъ эти стихи. Католическій и униатскій попъ временъ *руины* не могъ бы обращаться къ простолюдину съ большимъ ожесточеніемъ. Польское владычество, основанное на пожертвованіи многочисленнѣйшимъ классомъ народа въ пользу малочисленнаго, положило неизгладимую печать на всѣхъ Украинцахъ, которые имѣли притязаніе на какое-либо первенство. Вѣтшнее дѣйствіе заразы устраниено было кровопролитною борьбою, но внутри она осталась глубоко и продолжала дѣйствовать тѣмъ съ большею силою, что народъ не видѣлъ, въ чемъ, какъ и даже отъ чего искать ему спасенія. Чтобы докончить образъ тогдашняго монаха, представляю рядъ выписокъ изъ книги стихотворца Климентія.

*О волочащихся черницѣхъ и чернѣцахъ, по мѣстахъ, по школахъ
и по корчѣмныхъ дворахъ.*

Многіе волоцюги зъ гультайства бивають,
особно чериці и чернѣці такожъ ся пробѣгають.
Не хотѣтъ въ монастирѣхъ послушаній мѣти
и, вѣдмугъ⁽¹⁾ своѣго спасенія, терпѣти,
Да повіється иній къ бісу по своѣй волѣ,
шукѣючи, на згѣбель собѣ, свояволѣ.
А свояволѣ добра, да не пожитѣчна,
зъ котѣрої ся раждѣеть згѣбель доковѣчна,
А особливе тежъ черницѣ и чернѣцю она погубляеть,
а свѣтскаго также, вѣмъ, не наставляеть.

— — —
Да тудѣ жъ и чернѣць иній вандрѣвний шалѣеть
И людей до згоршѣнія свѣцкихъ привождѣеть.

— — —
Такѣму не потреба мѣлостиню даватъ,
алѣ всѣюда гѣдно есть кнѣми частоватъ.

Слово *кнѣми* написано прописными буквами. По видимому, это языкъ строгаго анахорета. Но у Климентія строгость идетъ объ руку съ посползовеніемъ ко грѣху, который онъ совѣтуетъ совершать какъ жи-

(1) По, сообразно съ чѣмъ.

но болѣе тайно, вовсе не упоминая о внутреннемъ судѣ совѣсти и все отстрочивая на послѣднюю, загробную расправу, какъ видно, по послловіцѣ: *сечь бѣдѣ, а одинъ отвѣтъ*.

Кто бо захочетъ часомъ что-кобъ-векъ згрѣшити,
долженъ пілно одѣ людскіхъ очей хоронити;
Бо мовятъ: »Хочъ відають, да нехай не видять«, —
и такъ грѣшникомъ люде не барзо обрідятъ.
Публічний бо грѣхъ душі тяжчайший биваєть,
и Богъ за публічний грѣхъ горшъ прѣве караєть.
И что схочешъ сотворитъ велика и мала,
утришь и запришь, жебъ сичъ и совѣ не знала.
И співають зась: »Хмізомъ, нїзомъ пудъ вербамі«,
жебі жадниє люде нїди не узнали.

Развратіе этой морали едва ли можно гдѣ-либо высидѣть. Она убиваетъ самыя главныя побужденія, которыми душа человѣческая двигается къ совершенству. Іезуиты охотно принимали бы почтеннѣйшаго отца Климентія въ свой орденъ. Если онъ и проповѣдуетъ что-нибудь доброе, не вѣрять ему: это дѣлается у него механически; это его ремесло, а не призваніе. За такую проповѣдь люди его хвалятъ и награждаютъ. Но еслибы другіе люди хвалили и награждали за противоположное, то онъ готовъ былъ бы служить имъ и въ обратномъ направленіи. Это монахъ того закала, что и знаменитый Мелетій Смотрицкій, который ораторство-валъ сперва въ пользу, а потомъ противъ православія, и въ послѣдней своей роли превзошелъ самъ себя.

Продолжаю выписки *о волочащихся чернцахъ*.

И бѣдетъ іиний чернецъ чрезъ весь вікъ ся волочитъ,
а трафляється томѹ въ школі ся и скончіть,
Абб де нагле луснетъ у корчѣмномъ домѹ;
то ужѣ и не знати, що чинити томѹ.
Можетъ нерозсѣдною той шинкарці напіти,
а що горшъ — и комедій якіхъ начинити ⁽¹⁾.

— —
Не хочетъ у монастирѹ той жительствовати
и старшому и брати ся повиновати,
Да, злий рабъ, яко гультай, завше волочитися,
а въ монастирѹ нїгдѣ ему жить не хочется,
Бїлєби по городѣхъ людемъ очи поровѣ.
Бодай тїлько его катъ самого испорбовѣ!

— —
Бо, напроѣдъ згнѣннєня, онъ монастирѣ осуждаєть,
же мовить: »Жадний менѣ игумень не приймаєть.

⁽¹⁾ Сирѣчь, по предмету безбрачія вическаго.

Мўшу ся волочыти по тоёй неволі.»

А то лжеть, бїле бь ему нашалїться доволі.

И зась брѣшетъ, же мовить: »Нїгдѣ мя не прїймають.«

Биваетъ то и правда, же нецнѣти ⁽¹⁾ его знають.

Бо що отъ шїбениць котріе втікають,

и тїе въ монастырїхъ часомъ ся संबождають.

Есть же то правда, якъ не еднѣй матери діти:

їний хочъ странствуеть, да стáтокъ бѣдетъ мїти.

Не поїдетъ таковїй где въ корчмѣ почовати,

алѣ до священника мѣжетъ ся впрохати,

Абѣ хочъ и до прѣстїхъ та́кже людѣй чѣстїхъ,

а не до корчѣмнїхъ котрїхъ домовъ безчѣстїхъ.

И азъ, пїщуцїй се, тожъ нѣгдїсь провандровáлся,

любъ въ далѣкіе краї, да зле не блукáлся,

И впятъ беззазѣрно сталъ въ монастырь поспїшати,

и въ немъ по давному, зъ ласки Бѣжей и старшїхъ, пре-
бувати.

Эти стихи писаны на 40-мъ листкѣ, и все, что имъ предшествуетъ, наполнено большею частію благочестивыми общими мѣстами; но далѣе въ рукописи авторъ поразгулялся и часто отъ строгой морали переходитъ не точію къ разрѣшенію вина и елея, но и къ потворству нѣкоторымъ инымъ поползновеніямъ. На листкѣ 61-мъ, онъ говоритъ, что его обуреваютъ *четверочисленная скорбь человеческая*: грѣхъ, немощь, нищета и озлобленіе. Судя по характеру его жизни, выразившемуся во всей книгѣ, надобно понимать это такимъ образомъ: что онъ часто страдалъ отъ раскаянія въ содѣянныхъ грѣхахъ, потомъ мучился немощью воздержаться отъ новыхъ, а какъ видно, что въ монастырѣ ему ужиться было трудно, при его страстной натурѣ и, по всей вѣроятности, при не-воздержаніи въ словахъ, то его естественно постигала нищета и вслѣдъ за тѣмъ — озлобленіе. О раздражительности его отъ непрїятныхъ столкновенїй съ дѣйствительностію можно судить по двумъ филиппикамъ противъ собакъ, которые надоѣдали ему во время странствованій въ нищѣ и производили въ немъ озлобленіе паче монастырскаго.

Слово 1-ое о псахъ, абѣ тежъ о собакахъ, и о людѣхъ, любящихъ ихъ и вѣлыми въ нихъ ся кохáющихъ и въ тїхъ бѣтіяхъ нечїстїхъ ажъ дѣши свои полагающихъ.

Хто въ псахъ кохáется, самъ ему ся равнѣетъ ⁽²⁾:
жаденъ невозлюбившїй ихъ тѣе признаетъ.

(1) Проказы, дурныя дѣла.

(2) Это писано уже на листкѣ 148.

И не токмо таковий псові есть подобень,
 але Ляху той, або дѣмону надобень;
 Кдигжъ дѣмони, въ постасі⁽¹⁾ псовъ, къ святимъ хождаше,
 котріе ихъ любіли прѣжде, тихъ прельщаше
 Зіло; стужающимъ имъ пакости твораху
 и вся помилшенія злаа наношаху.
 Тимъ вірнимъ не достобитъ тіхъ бѣстій любіти,
 но добрѣ бѣ, гдѣ бѣ мѣщно и зъ свѣта скореніти.
 А что инъ стражами псовъ себѣ називають,
 лечь⁽²⁾ не вість бідний, ижъ въ томъ вельми ся омиляють,
 Почитаючи пса паче самого Бѣга.
 Ахъ, не чиніте того! прошу васъ для Бѣга.
 Же и ласку Бѣжію той прочъ отгоняють,
 понѣважъ всякъ за злихъ псовъ егѣ проклинають.
 А такъ грѣхъ есть въ бѣстїи збїтне⁽³⁾ ся кохати
 и въ ней надію, бѣдто въ Бѣзі, полагаѣти.
 — —
 Бѣдуть бо изъ Армѣни тіе часть иміти, —
 не токмо онѣ самі, але ихъ и діти....

Слово 2-е о псахъ и о людѣхъ, не любящихъ псовъ и недержавшихъ ихъ.

Благословенъ есть той домъ назавше отъ Бѣга
 и отъ людѣй бивають похвала премнога, —
 А іменно той, котрій въ себѣ псовъ не маєтъ;
 того безпрестанно самъ Богъ благословляють.
 А за что жъ, повѣдъ ми, Богъ благословляють?
 за то, же всякъ человекъ егѣ похваляють.
 А гдѣ въ котромъ домѣ пси въ кого пробувають,
 того тамъ вшелякне люди проклинають:
 »Бѣдай вамъ«, мѣвають, »зъ псами нїгдѣ не было добра,
 же не мѣщно проминуть безъ палицы двора!«
 Бо пси и потайніе часомъ въ кого бувають,
 п — щѣбъ дѣбли побрали ихъ — людѣй кусають,
 И иніе пакости на свѣтѣ людѣмъ творять,
 понѣважъ въ розмѣнтїхъ речѣхъ инїхъ шкѣдѣтъ,
 Яко-то: зъ вѣза въ кого гдѣ-що виволокають,
 а въ огородахъ грядкѣ зъ сѣвѣю потоптають.
 И для того бѣ псовъ всегда не трѣба держати,
 же бѣ благословенства Бѣжого не прогоняѣти....

Продолжаемъ выписки о монашеской жизни, въ которыхъ всего важнѣе взглядъ автора на монастырь.

О вступающихъ зъ роскошей свѣтовїхъ людѣй богатїхъ во убогое и нищетное житїе иноческое, жебѣ не скорбѣли и не каля-

(¹) Во образѣ. — (²) Но. — (³) Слишкомъ.

лися напóтимъ, не призна́сивши зъ потре́бу свою́ и́мнія, си́ричъ вещь: и яде́нія, и пи́тія, и гро́шей наипа́че; гди́жъ и во ино́цѣхъ безъ и́мнія тру́дно и ве́elmi нудно, па́че же прѣ́жде бога́тство и́мѹщимъ.

Зда́ється, же пробуде́тъ ні і́вши, ні пѣ́вши
бога́тій, въ черне́цкое житі́е вступѣ́вши,
И зда́ється, же бу́детъ нічо́го не тре́ба;
разсмо́трится напóтимъ, ажъ все́го потре́ба!
Бо гди́жъ мно́го таковы́хъ бога́тыхъ бива́еть,
же і́ный всю худо́бу въ монасти́рь дава́еть.
Ему́ ся ви́дѣтъ — бу́детъ и тогда́ ко́нтенъ мі́тъ;
ажъ зза дубо́выхъ двере́й не бу́детъ и ви́дѣтъ.
А хоча́й двере́и бу́дуть и не дубо́вѣе, —
не бу́дуть раство́ренни то́жъ и сосно́вѣе.
Изь ру́къ бѣ́дний небора́къ бу́детъ ю́жъ гляди́ти,
и не бу́детъ то́го, що́ прѣ́жде и́мѣлъ, мі́ти.
Зачи́мъ бога́тій напро́дъ постерега́йся
и, гди́ хочъ, въ черне́цство здо́ровъ пострига́йся.

О черни́цѣхъ и охóтящихся въ черне́цство.

Зъ да́внихъ ча́совъ світові́й лю́дь то повіда́еть,
же ні́кого черне́чая ри́за не спаса́еть.
И въ черни́цѣхъ, е́сли та́кже изхо́четъ грі́шити.
то дай, Бо́же, жеби́ душі́ не згуби́ти.
И бі́лая ри́за та́кожъ не погубля́еть,
е́жели хто до́брѣя дѣ́ла отпра́вляє́тъ
Ті́лько то на ко́ждей грі́хъ покѹ́та бива́еть;
а не тре́ба е́й, хто не со́гріша́еть.
А що́ зась въ черне́цкомъ тки́ється те́жъ зако́ну,
о ко́трѣмъ не свідо́мо сві́цкому вся́кому;
Бо гди́бъ ві́далъ, что́ ему́ въ черни́цѣхъ бу́детъ случа́тъ,
ні́гди бъ пудъ прися́гою не хоті́лъ пострига́тъ,
И, навя́завши бъ на ся ка́мень, въ во́ду втопи́лъ,
не́жели бъ на ві́чную скорбь въ черне́цство вступи́лъ.
Бо пра́ва то, же въ черни́цѣхъ ві́чная нево́ля,
а сві́цкимъ во всі́хъ реча́хъ соверше́нна во́ля.
И сві́цкимъ зда́етця то́й чинъ за хлі́бъ пше́нічний,
а постри́гшись, позна́вши, далъ бы и за жи́тний,
А понѣ́важъ сві́цкій господа́ръ во все́мъ дово́ленъ
въ сво́емъ до́бромъ, а черне́ць ю́жъ ні въ чо́мъ не во́ленъ.
И черне́цство не ті́лько мла́дїхъ въ чинъ свой вво́дитъ,
але́ ча́сомъ му́дрихъ и старі́хъ въ то́й заво́дитъ.
Прѣ́то, всі́ світові́е лю́де, ка́йтесь на насъ ⁽¹⁾:

(1) Т. е. глядя на наше положеніе, берегитесь, чтобы не очутиться въ немъ.
Выраженіе народное. Въ пѣснѣ, соблазненная и обманутая дѣвушка говоритъ:

Ой хто у борѹ,
Чуйте новину;
А хто у селі,
Кайтесь на мені.

прошу якъ найпокорній о томъ ділі всіхъ васъ.

Пійшесть же о томъ чину совершенъ дознавецъ
и надъ всіхъ въ немъ страдальцевъ біднійший страдалецъ.

Сміючи мовить, же хочъ хто бувъ своявольникъ,
а якъ вступить въ чернецство, то будетъ невольникъ.

И зъ басурманскихъ неволь свободни бивають,
а зъ чернецства до смертий не освобождають.

Тільки жъ, гди хочеть, нехай здоровъ въ чинъ той вступаєть:
охочого не внять, — Богъ нехай помагаєть.

Я о томъ ділі ему не перебиваю,
лечъ, видячи воздержность его, поражаю.

А невоздержныхъ могу отъ того виняти
и, якъ мощно, до того ихъ не допущати....

*О любящихъ, яко повідає: инокомъ не треба жаднихъ мити
стяжаний.*

Біло негідсь черницямъ ні що не надобно,
а теперъ все потреба такожде подобно,

Бо и чернцєві такъже хочется що мити;
хочай то и не жона въ него и не діти,

Еднакъ и черницю встїдно голому ходїти,
тїлько, якъ нїтъ нічого, мусїть хочъ просїти;

Бо чернцївъ голїхъ зовуть опїяками большъ,
або и нецнотливимъ, — то еще и найгоршъ.

Мовять, же не дармо той нічого не маєть;
а бідному нїгде взяти, — онъ того не знаєть;

Кгдижъ въ монастирїхъ не вельми часто давають
одєжу; а запасные лишней не мають.

Убогїе черницї хочъ большей и працюють,
тїлько жъ вбогїхъ и тамъ не барзо шанують,

А маючихъ, якъ и вмереть, лїчшей поминають;
а нищетнихъ въ скорїй часъ и запминають.

И якъ свїцкимъ не добрѣ на свїті голїшамъ,
такъ же то и черницамъ сиротамъ, побїдашамъ.

И голїхъ и пришельцовъ часомъ не приймають;
хочъ би и ремєсникъ бувъ, прочъ висїлають.

Итакъ, мїлий Бѣже, всїмъ убогимъ не добрѣ,
а котрїй много всего мїєть, тому добрѣ.

И блаженъ и преблаженъ той въ теперешнїй вїкъ,
хто мїєть чєго-кѣльвекъ доволно чєловїкъ.

(Бо и въ лєкціяхъ пїшуть: »Хто богатъ, той всїмъ братъ;
а хто нічого не маєть, того ніхтѣ не знаєть«)....

За єтимъ слїдуєть характеризующее монастырскую жизнь заглавіє:
О иноцїхъ (насъ юзє) послїднїхъ (т. е. омонастырской черни), *тер-*
пящихъ безвїннїхъ и повїннїхъ премїогїа зїло напастї и скорби, и

юненія, и оклєветанія и нависті, и всяческїи озлобленія. Но стихотвореніе на эту тему состоитъ изъ общихъ мѣстъ, нестоющихъ выпски.

О безжѣнномъ житіи иноческаго.

Свободѣ инокъ отъ женъ и дѣтей, повѣдаеть,
 ёднакъ нѣжда, же своѣй господиніи не маеть;
 А хочъ и всего также иншіи мѡжетъ мѣть,
 а въ той рѣчи едно то мѣситъ терпѣть.
 А що мѡвять: »Не жоніи и не дѣтямъ збирати«;
 а ёслиби мѣвъ жонѣ, такожь би могъ зправляти.
 Алѣ женітисъ законъ той не повеліваеть,
 тѣлько безъ помѡщниці самъ-ёдинъ пребиваеть.
 Мѣющій жонѣ, той ся и въ скорбѣхъ утѣшаеть,
 а чернца бѣднаго Богъ тѣлько нехай утѣшаеть.

Слѣдующіе стихи даютъ понятіе о томъ, какъ тогдашній монахъ понималъ уединеніе. Братія его были просто челоѡѡконенавидцы, такъ что, лишь только собиралось ихъ нѣсколько челоѡѡкъ, тотчасъ обнаруживалась вся сухость ихъ душъ и, вслѣдствіе того, антипатія другъ къ другу, на мѣсто того, что испытываютъ люди, ясно понимающіе даръ Божій — жизнь. Мы ищемъ общества себѣ подобныхъ, и лучшіе свои часы проводимъ въ симпатичныхъ къ нему отношеніяхъ. Климентій и его братія, напротивъ, сойдясь въ одну келью, не могли не паранать по сердцу другъ друга, и потомъ предавались уединенію, для исцѣленія ранъ своихъ. Онъ говоритъ:

Кѡждый инокъ возможетъ тоѣ цѣле признати,
 же наединіи не такъ скорбно пребивати;
 А где въ кѣліи собѡръ великій пробуаеть,
 тамъ нѣнависть и вражда часто ся украдаеть.

Даже вдвоемъ не могъ тогдашній монахъ ужиться въ кельѣ, потому что, по понятіямъ Климентія, иноческая жизнь требовала тайны, а сожитель —

Бѣдетъ, вѣмъ, другѡго во всемъ осуждати,
 и лѡжно злыми діли тоѡ обношати,
 И зѡвше въ нѣнавистіи бѣдетъ его мѣти,
 и отнюдъ непраѡедно тожь непраѡидати.

Размышленіямъ и воспоминаніямъ о женщинахъ посвятилъ Климентій 43 стихотворенія, что мы относимъ также къ условію его иноческаго быта. Мысль его безпрестанно обращалась къ запретному плоду, и какъ онъ ни

старался возвышаться надъ грѣховными поползновеніями, но слишкомъ часто увлекался воображеніемъ въ противоположную сторону. Самыя нападки и обличенія его проникнуты разженною мечтою о томъ, на что человекъ иного быта смотритъ спокойно и нравственно. Вообще, онъ о женщинахъ думалъ низко и считалъ ихъ недостойными грамотности. Мечты его о другомъ полѣ оскорбительны даже для насъ, мужчинъ. Мѣры же къ исправленію нравственности замужнихъ женщинъ онъ предлагаетъ самыя варварскія. Въ сорока трехъ стихотвореніяхъ его, посвященныхъ слабѣйшей половинѣ человѣческаго рода, нѣтъ никакой мягкости и ничего подобнаго поэзіи, которою дышутъ народныя наши пѣсни. Онъ представляетъ женщину исчадіемъ діавола и богохульствуетъ самымъ возмутительнымъ образомъ, желая играть роль возвышеннаго надъ міромъ моралиста. Подобныя выходки не новы между его отпавшею отъ жизни братією. Мы приведемъ только тѣ мѣста изъ его стихотвореній, которыя характеризуютъ собственно его личность.

Дармо, ся видить, женскъ полъ звиклъ письма учѣти:
могла бѣ цѣрковъ и безъ нихъ письма обходити.
Бо токмо мужемъ далъ Богъ небезпотрѣбно,
а імъ—здаѣтца, якоби и непотрѣбно.
Женá письмѣнна мѹжемъ прѣстимъ погоржáетъ
и, якъ простака, цѣле тогò внівѣчаѣтъ.
Овшемъ бо прáве жѣнамъ письмò неприлѣчно,
тѣлько оно менщѣзнамъ потрѣбно и слѣчно;
А жѣнамъ, якъ пѣтого колеса, такъ трѣба,
а мужемъ всѣкимъ всѹда на все то потрѣба.

Въ одномъ стихотвореніи Климентій говоритъ, что женщинъ на свѣтѣ вдвое больше, нежели мужчинъ, —

Еднакъ надъ жѣнами Богъ далъ мужемъ верхъ мѣти,
а імъ не далъ мѹжескихъ речѣй розумѣти.

Судя по совѣтамъ, какіе онъ даетъ мужьямъ касательно обращенія съ женами, можно было бы подумать, что женщины временъ Мазепы были вообще самой дурной нравственности. Но, на нашъ взглядъ, стихотворецъ характеризуетъ тутъ свою собственную натуру, исполненную подозрительности и лукавства.

Подобáетъ таковѣй вчинѣти совѣтъ намъ,
же нѣгди не даяти нѣ въ чемъ вѣри жѣнамъ;
Жѣнамъ бо зáвше лáтво такъ клáтву сполнѣти,
якъ прáгнучому чáсомъ водѣ ся напѣти.
Прѣто, аще би мѹчно, звѣзди зъ нѣба брáла,
або тежъ прѣдъ собою зѣмлю поядáла,

То уже да не бѣдетъ онимъ віра данна,
хочъ би и прекрасная она била пánна.

— —
И áще би и мáти, ёднакъ тáя жъ женá,
и презъ мáтеръ бивáетъ скорбъ и грѣху винá.

Какая разни́ца въ воззрѣ́ннiи народа на мать! Пѣ́сня о правдѣ и не-
правдѣ говоритъ:

Нема́ въ свѣ́тi правди, тíлько рíдная ма́ти.

Другая пѣ́сня возводитъ высокое понятіе о матери почти до бого-
творенія:

Ма́ти на́ша, ма́ти!
Де жъ намъ тебѣ́ взя́ти?
Хиба́ тебѣ́, ма́ти,
Да намалюва́ти....
Намалюю ма́тирѣ
На божничку́ въ ха́ти.
На божничокѣ́ глѣну —
Ма́тирѣ испомѣну;
Наза́дъ оберну́ся —
Слѣза́ми заллю́ся.

И вообще народъ высоко ставитъ въ жизни мать, почему и въ пѣс-
няхъ называетъ ее *пора́дницею*, или *пора́донскою вірною*. Только
такой челове́къ, какъ Климентій, изсушивъ душу въ отчужденіи отъ
всѣхъ живительныхъ связей съ обществомъ челове́ческимъ, могъ дофи-
лософствоваться до такого нечестиваго взгляда на мать. Вслѣ́дъ за тѣ́мъ
онъ избираетъ темою своихъ размышленій неплодіе женъ и говоритъ:

Повѣ́ждъ мнѣ́, чѣ́мъ же́нни мно́ги е́сть непло́дны,
любо́ то и отъ муже́й своихъ не свободны?

Размышленіе объ этомъ доставляетъ ему, такъ сказать, келейное
удовольствіе, и можно себѣ представить, съ какимъ чувствомъ онъ на-
писалъ: *отъ мужей своихъ не свободны...* Въ самыхъ, по видимому,
благочестивыхъ его размышленіяхъ высказывается воображеніе нечи-
стое, и похвалы его женской непорочности дышутъ тайнымъ развра-
томъ. Напримѣръ, въ стихотвореніи *о вдовственныхъ женахъ*:

Живу́щия въ чíстостi чѣ́стныя вдови́цы
обря́щутся предъ́ Бо́гомъ, якъ чíстия дíвицы,
И суди́тъ бихъ надъ́ дíвицъ ихъ чѣ́стнiйшихъ па́че,
звѣ́ща здра́вихъ и ю́нихъ, то е́сть мла́дiхъ наипа́че.
Дíви бо плóтскихъ грѣ́ховъ себѣ́ не позна́ли,
а онí и позна́вши, чíстость заховáли.

И не дивно безъ того старімъ вдовамъ жити,
а младімъ, грѣдно, мовятъ, безъ того прожити.

Далѣ онъ размышляетъ о прельщеніяхъ жѣнскихъ и о мужескихъ пристрастіяхъ до женъ, злѣща до чуждихъ, и, пересыпая свою рѣчь готовымъ запасомъ ходячихъ душеспасительныхъ фразъ, изображаетъ неумышленно самого себя въ слѣдующихъ стихахъ:

Кто бо биваетъ до нихъ страстію побѣждёнъ,
той не скоро внять будетъ отъ той свободѣнъ,
Бо изъ ума не будетъ то ему сходити,
аби прельстившися могъ въ тихъ грѣхахъ пожити.

Но тутъ по крайней мѣрѣ мечты затворника-стихотворца прикрыты назидательнымъ тономъ; а потомъ у него идетъ стихотвореніе, рѣзко обличающее дѣйствительный строй его помысловъ.

*О терпѣніи жѣнстѣмъ, како въ зимѣ студѣностей не бояться,
когда во время лѣтнихъ мразовъ на рѣкахъ хлѣсти перѣтъ.*

Подобно, пекельная горячность въ жѣнскомъ тілі:
дознанна о томъ правда въ людѣй саміми діли.

А котріе жъ, повѣждъ мнѣ, люде того дознали?

Тіе, котріе себѣ биліи жѣны поили.

А кромъ понятія нѣсть ли мѣжно того дознати?

Не увѣсть непонявшій. Дай, Боже, и не знати.

А котрій хочъ познаетъ, той злѣ согрѣшаетъ;
великая бовімъ въ томъ ділі тайна биваетъ.

А что жъ то есть за тайна? не биваетъ ли льяна?

Бо безжѣннихъ за то караютъ здѣвна.

А якіе жъ за тую речъ кѣрности биваютъ?

Тіе, же часомъ за то здорѣвья умалютъ.

О, понѣважъ такъ, и мнѣ трѣба жену поити,
жеби могъ невозбранно тоѣй тайни дознати.

И Бѣже тебѣ свою жонѣу понять поможи,
и чада побѣжнія отъ неѣ вамъ умножи.

Неловкое увлеченіе свое пекельною горячностью женщины Климентій вымѣщаетъ на женщинахъ же ругательствами.

И баба зъ хлопцемъ и бѣсъ въ ѣдномъ цеху ходитъ,
понѣважъ зъ тихъ трехъ персонъ все злоѣ походитъ.

Потомъ дѣлается совершенно нравственнымъ стихотворцемъ и пишетъ:

*О женѣхъ въ корчѣмницахъ въ градѣхъ, а найпаче иде въ поляхъ
въ корчѣмнихъ гостинницахъ блудно живѣющихъ...*

Еще выше становится наш моралистъ, когда начинает предлагать мужьям душеспасительныя средства къ спокойной и, пожалуй, счастливой супружеской жизни.

Щастливъ той, хто жені злой ся не подаваєть,
и що, якъ бестіі, по рѣбрахъ часто даваєть.

— — —
Бо лишъ, мовять, желізо у воді варіти,
нѣже, псіюю личіну, жену злу учіти.
Ужѣ чоловікъ бідний такої не ізучитъ, —
Разві самъ дияволъ, гди зъ душею розлұчить.

Все участіе, къ какому способенъ Климентій, отдаеть онъ сторонѣ болѣе сильной, то есть самовластно карающему мужу. Онъ общаетъ ему, за претерпѣніе словъ и поступковъ ожесточенной имъ жены, царство небесное и наказываетъ ему колотить ее ежедневно. Вотъ его собственные слова:

А теперъ, чоловіче, мусішь біду терпіти
и до смерті зъ такою не будешъ добра міти:
И самъ ты нехай Господь рачитъ свободити,
а жену твою злѹю зъ свѣта скоренити.
Ти же восхоці тое отъ ней пострадати
за покуту, — и будешъ въ небі царствовати.
Едкакъ жені своєї злой ні въ чемъ не хилися,
и кождий день кїємъ парить не лініся;
А такъ певне одъ Бѣга приймешъ нагороду,
и получишь отъ мѹки вѣчної собі свободу.

Вотъ мораль, высиженная въ удаленіи отъ міра! Вотъ выводъ изъ перчитанныхъ стократно книгъ закона! Не къ такимъ ли людямъ относятся слова благаго Учителя: *возжди слѣпые!* Въ украинской народной поэзіи старыя поколѣнія завѣщали новымъ иныя нравственныя убѣжденія, но это именно потому, что учителя, подобные Климентію, захватили въ кругъ своихъ нечистыхъ чаръ далеко не всю массу населенія того края. Еслибы однородная съ его виршами литература проникала всюду такъ, какъ проникаеть пѣсня, — Украинскій народъ былъ бы сухой фанатикъ и темный изуверъ, Украинскій народъ былъ бы низкій матеріалистъ, прикрытый маскою безчувственнаго святостества. Такииъ именно является чуждый народнаго духа и вкуса стихотворецъ, наводящій непонятное для насъ, обыкновенныхъ смертныхъ, удовольствіе перемѣшивать дидактику съ цинизмомъ. Напримѣръ, въ стихотвореніи: *О женахъ близнята рождajúщихъ, сирѣчь по двѣе дітей:*

Гдибъ котра́я въ годъ по двѣ рождала,
 такой била бѣ отъ всякихъ козакѣвъ похва́ла,
 А хочъ би по еди́ному, абѣ ко́ждою ро́ку,
 ижъ би ся запásiла на тѣе знарѣ́ку.

Въ другомъ стихотвореніи: *о оспáлихъ людѣхъ, которые вѣ́лыми твѣ́рдо и мно́го надѣ́ міру и не чу́тко спя́тъ, кохáючися збѣ́тне въ сну вели́комъ*, казалось бы, «виршопісъ» долженъ держаться въ области чистаго умозрѣнія и разсуждать о вредѣ излишняго сна для тѣла и для души; но нечистое воображеніе тотчасъ рисуетъ, къ его услугамъ, соблазнительную картину:

А пудъ часъ тежъ и жонѣ той не встерегáеть,
 котѣ́рая жити́емъ своимъ ошукивáеть,
 Гди́жъ мо́жетъ ся таковѣ́хъ женѣ́ мно́го знайдо́вать,
 зме́жъ котѣ́рихъ инáя жде́тъ, абѣ́ мужъ леглѣ́ спать,
 А самá о зломъ дѣ́лі въ той часъ промишлáеть,
 и му́жеви своѣ́му ві́ри не схра́ниеть.

Зато ужъ безукоризненна мораль слѣдующихъ стиховъ:

Въ монасти́рѣ чу́лости и тебѣ́ бѣ навѣ́чно,
 я́ко би ты чимъ-ко́львекъ удо́бжъ процвѣ́чно;
 Бо хто въ монасти́рѣ ў́трени засиплáеть,
 той пудъ часъ и покáранъ знемно́го бивáеть.

Нравственность, поддерживаемая такими мѣрами, конечно должна приводить къ результатамъ, выразившимися столь осязательно въ стихахъ многострадальнаго Климентія, который не можетъ себя представлять цѣломудренную женщину иначе, какъ подъ строгимъ надзоромъ. Кромѣ страха физической кары, онъ не предполагаетъ въ женской душѣ другихъ, болѣе могущественныхъ охрaнъ чистой нравственности. Въ стихахъ своихъ онъ не смѣетъ обвинить поголовно всѣхъ женщинъ, представленныхъ самимъ собой въ отсутствіе мужей; но предположеніе возможности женскаго свободнаго цѣломудрія является въ его стихахъ въ видѣ риторической фигуры, посредствомъ которой онъ, не безъ пріятнаго ослабленія, садится на своего любимаго конька, какъ напри́мѣръ, въ стихотвореніи: *о жéнахъ му́жнихъ и бо́лшей въ до́мáхъ своихъ безъ мужей прѣбу́вающихъ*.

Я воображаю себя фигуру стихотворца-анакорета временъ Мазепы, странствующую по богатымъ весямъ и градамъ, пирогами обильнымъ, въ гнетомъ *четверочисленной скорби*, яже есть: *грѣхъ, немощь, нищета и озлобленіе*. Я воображаю, какъ онъ обходитъ окольными улицами дворы съ пса́ми, которыхъ отъ всей души не терпитъ уже по

одному тому, что, при ихъ посредствѣ, невозможно дѣлать назиданія даже и такой женѣ, которая *ждетъ, аби мужъ легъ спать*; какъ онъ днемъ читаетъ въ крѣпкихъ домахъ ту или другую часть своей книги, смотря по тому, какого сорта люди его слушаютъ; какъ во время уединенныхъ прогулокъ по пустыннымъ берегамъ рѣчекъ или прудовъ, дѣлаетъ онъ наблюденія надъ *терпѣніемъ женскимъ* и предполагаетъ въ женскомъ тѣлѣ *некѣльную горячность*, а вечеромъ пробирается куда нибудь *низома, хмизома, попида вѣрбами*. Все это онъ обдѣлываетъ отлично. Ему ли не быть мастеромъ своего дѣла, когда онъ такъ уйдительно написалъ наставленіе своимъ преемникамъ: »Когда пожелаешь иногда сдѣлать какой-нибудь грѣхъ, то старайся всѣми мѣрами укрыть его отъ людскихъ глазъ. Большое или малое сдѣлаешь прегрѣшеніе, *утришь и запришь, жебѣ сичъ и сова не знала!*» Такъ онъ писалъ, такъ, вѣроятно, поступалъ и самъ. А чтобъ отвратить и самое прешложеніе въ мірянахъ, что онъ способенъ къ какимъ-нибудь шашнямъ, онъ преподаетъ имъ самыя строгія правила, дышашія безчувственною жестокостію и приговариваетъ:

Истинную правду я тобі повідāju,
бомъ на свѣті всякіі рѣчи также знаю....

Сознаніе собственной опытности даетъ его рѣчахъ тонъ автократическій. Онъ, по всей справедливости, называетъ глупцомъ того, кто его слушаетъ; онъ приобрѣлъ полное на то право:

Пѣвне, бѣдетъ крѣпко Богъ того карати,
же злой жени, якъ шкапи, не вмѣтъ (на узді) держати.
Отѣжъ тобі, глупаче, науку даваю:
абишь ребра крушілъ злой жоні, поражаю.

Далѣе онъ вселяетъ въ слушателя собственную подозрительность и обрекаетъ его на вѣчныя опасенія за свою жизнь:

А ежели порáду мою занехáешь,
не минѣтся велика бѣда, — самъ дознáешь;
Бо на здоровѣе твоѣ жонá твоѣ ватѣетъ
и — чегѣ не знáешь — смерть тобі готѣетъ:
Пíti и їсти тобі потра́ви дава́етъ,
а ча́сомъ и трутíзну тобі жъ зготовля́етъ.
А такъ, окайни́че, самъ напро́дь не кúшай, —
неха́й жонá пѣть першъ и ястъ, — мене слúшай.
А гди бъ самá напередъ скúшати не мiна,
то горшкѣмъ абѣ кiемъ косни́сь єi ті́ла;
Абѣ цúркою скрути́ ей рúки и нѣги,
жеби́ не перелiзла и черезъ два порѣги;

Абб, звязавши, посади кь гарячой пѣчи,
щобъ припекліся бнуй шатанскіе плѣчи.

Вотъ семейная инквизиція, до которой трудно додуматься человѣку, живущему въ кругу семьи и на которую не способенъ рѣшиться тотъ, кто находится подъ вліяніемъ образа мыслей родныхъ и сосѣдей, живущихъ семействами.

Одно изъ его стихотвореній, ничтожное по содержанію, носить заглавіе, характеризующее національныя убѣжденія Украинцевъ временъ Мазепы, — именно: *О иновірной едѣной персонѣ мѣжду мѣжамъ и женою, то есть (наприкладъ) кѣди биваєть часомъ мужъ Ляхъ, а женѣ благочестѣвая, абб женѣ неблагочестѣвая, а мужъ благочестѣвий, а хочай и оббѣ благочестѣвие, да не єднихъ людѣй, сѣричь: мужъ бѣдетъ Москаль, абб Литвинъ, абб Бойко, абб Цѣпанъ, или тежъ зъ Жѣда перѣхристъ; или зась жонѣ таковѣхъ людѣй, а онъ правдѣвий Руснакъ, Козакъ, Украинецъ пороуди Малороссійской.*

Изъ самого стихотворенія стоить привести только слѣдующее мѣсто:

Тѣе жъ есть, гдѣ не єднихъ и людѣй пороуди:
не мѣють и такіи мѣжъ соббю збѣди;
Же то власне поросѣ зъ вѣвкомъ пробуваєть,
а жалости и скѣрби щѣ-день прибавляєть.
Зачѣмъ-то подобаєть людѣмъ христѣянскимъ
не мѣть прѣчти кѣ дѣшамъ инорѣднимъ и поганскимъ.

Достойно также вниманія, что, по словамъ Климентія, браки въ старинной Украинѣ заключались раньше нынѣшняго. Онъ говоритъ, что нѣкоторые родители —

... безвременно замужъ давають дѣвици:
въ єдинадѣсятихъ лѣтахъ отроковѣици.
А въ дванадѣсяти лѣтъ синѣвъ оженяють.

— — —
А то, вѣмъ, въ Литвѣ малѣхъ жѣнятъ, зле справѣють,
щѣ несмѣсленнимъ дѣтямъ свѣтъ тѣлько завязѣють.
Въ шестнадѣцати лѣтъ слѣшно младѣнца женѣти,
а дѣвицю въ тринадѣцать, — ѣнакъ не чинѣти.
И такіхъ ещѣ бѣ ввѣдѣть въ той чинъ не подобало,
да на ѣний часъ до лѣтъ слѣшнихъ откладало;
А слѣшность лѣтъ — въ двѣдцать рокъ оженѣти сѣна,
отъ котораго мѣжетъ битъ въ рокъ и дѣтина;
А дѣщѣр прѣстойно замужъ въ 15 лѣтъ давати,
то мѣжна рѣчь — до рѣку и мѣтерѣю стѣти.

Мы представили характеристическія мѣста изъ всѣхъ стихотвореній, посвященныхъ такъ или иначе женщинамъ и наполненныхъ, какъ обыкновенно водится у подобныхъ авторовъ, безцвѣтными пошлостями. Остается еще два, и они стоятъ того, чтобы помѣстить ихъ здѣсь цѣликомъ. Они исполнены пьянаго комизма, въ который вдается необузданно человѣкъ, долго стѣснявшійся насильственной ролью. Въ нихъ Климентій является, такъ сказать, безъ клобука и рясъ.

О женахъ, рождающихъ діти въ скорій часъ по принятію шлюбномъ и по браці въ кілька дній минувшихъ, а не въ рокъ.

Козацкій звичай тіе-то дівці мають,
що заразъ по весіллю и діти рождають;
Бо на світі такъ мовять: »Козацкому роду
мало когдѣ, абѣ тежъ немашъ переводу.«
И добре чинять, же то зъ запасомъ приходять,
запаси бо жадною мірою не шкодять.
Где ещѣ дѣвять місяць на тѣе туждѣти,
а тѣ лишнь въ скорій часъ приплѣдокъ оглядѣти.
И хто-кѣльвекъ межъ людми тѣе похваляеть,
котѣрий где чоловікъ роботу поспішаеть.
Зачімъ здорові собі живіть и пробувають,
и безъ ліности въ ночь и въ день въ томъ ся туждѣти.

О дівцяхъ, діти рождающихъ.

Не треба таковихъ дівъ карністю карати,
що стараються въ войско людей примножати;
Бо, яко здавна людей войскамъ було треба,
а теперъ, въ нашомъ віку, найпаче потреба;
Гдижъ немого войско малу силу маєть,
а великое внівечъ меншихъ обращаеть.
Зачімъ би то слухна речъ тѣе похвалѣти;
атѣ невольню свого доброго давати.
Онѣ бідниі войску такъ щиро приють,
а другіи невинно за то зневажають.
Прето нехай каранни тіи то бивають,
котріи дітѣи своїхъ дурно погубляють.
Еднакъ же онѣ держать звичай той козацкій;
хоть добре, хоть не добре, все то по козацкій.
А ви, дівки, за тѣе менѣ похваліте,
да кварту и другу ю горілки купіте;
Бо я сѣе написавъ, вамъ то на похвалу,
а при васъ и козакамъ-друзімъ чиню славу.

До сихъ поръ вниманіе наше было сосредоточено главнѣйшимъ образомъ на личности автора, въ которой выразился болѣе или менѣе весь

классъ людей, къ которому онъ принадлежалъ. Далѣе мы прослѣдимъ его рукопись по состояніямъ и ремесламъ, то есть выпишемъ все, чего нельзя назвать общими мѣстами, заливающими всю книгу и дѣлающими чтение ея крайне утомительнымъ. Но, разставаясь съ личностью Климентія, какова бѣ она ни была, укажемъ признаки, по которымъ мы относимъ его твореніе ко временамъ Мазены.

Во-первыхъ: на листкѣ 272, онъ говоритъ, что зналъ въ Каневѣ поца-двоеженца, которому Ясинскій благословилъ служить безпрепятственно; а Варлаамъ Ясинскій былъ митрополитомъ Кіевскимъ съ 1690 по 1707 годъ. Вотъ и самые стихи, въ которыхъ объ этомъ говорится. Они писаны блѣдными чернилами и, вѣроятно, по смерти Ясинскаго; иначе — онъ придалъ бы ему титульное имя.

О попадяхъ, замужъ идучихъ по смертехъ поповъ своихъ.

И той рѣчи можемъ ми вѣлыми задивити,
же невольню въ другій разъ попамъ ся женити.
Хто той законъ взаконилъ, ми не знаѣмъ,
тільки тому ся кріпко, кріпко удивляѣмъ.
За священника-вдовца отвѣтъ сотворити
можетъ тотъ, кто законъ сей дерзнулъ положить.
Гдѣ попь-вдовецъ въ грѣхъ блудный упадѣтся,
ажъ и законъ давшему конче не минѣтся.

Бодай би онъ изъ своимъ закономъ и не снілся,
же, неразсудный, Христу-Спасу спротивилъ!
Азъ, віршописъ, виділемъ двоженца прощенна
и до служебъ Божихъ ціле припущенна.
Въ Каневі отецъ Андрій, въ четверопрестольнихъ
патріархъ бившій ⁽¹⁾, принісълъ патѣнтъ верховнихъ
Зъ Іерусалима, зъ Александріи и Антиохіи
и Константинограда писъма неплохій;
И, ведлугъ писемъ, Ясинскій служить благословилъ
и жадною річию ні въ чемъ не спротивилъ....

Во-вторыхъ: на листкѣ 273, весьма нетвердою старческою рукою, мы видимъ же почеркомъ, что и вся книга, написана замѣтка: *Року* ⁽²⁾ 1712, мѣсяца юня, числа 21, на Ивана Предтечи, великая бура великая була, котóрая церкви Божіе ламала и пофривалахъ великіе сосни и б... ⁽³⁾

⁽¹⁾ Т. е. который былъ у четверопрестольныхъ патріарховъ.

⁽²⁾ До какой степени немощный человѣкъ писалъ эту замѣтку, видно изъ того, что вмѣсто *року* онъ писалъ *руку*, а вмѣсто *великіе* — *векіе*.

⁽³⁾ Не дописано.

Чтобъ не возвращаться болѣе къ личности автора, приведемъ кое-что изъ объяснительныхъ его стиховъ, изъ которыхъ вообще мало объясняется фактическое его положеніе.

Ужé що ся въ сей книзі писало, то писало;
хочь троха и каюся, такъ ся тоé стало.
А прѣсяжъ и пользи въ ней немáло набúдешъ,
якъ ся собі добúдешъ и читáть бúдешъ.

Изъ послѣдняго стиха можно заключить, что Климентій сочинялъ свою книгу для продажи. Это подтверждается слѣдующимъ заглавіемъ одного стихотворенія, показывающимъ, что въ тѣ времена существовалъ особый классъ людей, занимавшихся перепискою чужихъ и сочиненіемъ собственныхъ книгъ: *О писаря́хъ рѣзнихъ, то есть и́менно, що кни́ги гото́вие препи́сують, и видаю́ть зъ голо́ви я́кіе нові́е річи, и о писаря́хъ тежé гра́дскихъ и монасти́рскихъ, грамоти, абѣ за́сь листи́ пишущихъ и вся́кіе крі́пкіе права́.*

Все это стихотвореніе, какъ и многія другія, наполнено несноснѣйшимъ пустословіемъ. Выпишемъ только четыре стиха:

И ча́сомъ ся случáеть писáти такъ трúдно,
же ажъ, не на́пивши́ся горі́лки, то нúдно....
И сей віршопи́сь ма́етъ къ писаря́мъ горлі́вость ⁽¹⁾,
бо я самъ тимъ би́лъ, — зна́етъ тую доле́гли́вость ⁽²⁾.

Вѣроятно, Климентій былъ монастырскимъ писаремъ, а пожалуй и мірскимъ, до вступленія въ монашество. Вообще, это былъ, что называется, тертый калачъ и, безъ сомнѣнія, перемѣнилъ на вѣку своемъ не одно званіе: иначе — онъ не зналъ бы столькохъ подробностей и обстоятельствъ, относящихся къ описаннымъ имъ разнообразнымъ ремесламъ. Онъ, кажется, и самъ придавалъ цѣну своей бывалости, потому что любить вдаваться въ номенклатуру каждаго ремесла. Такъ какъ онъ не различаетъ ремесла отъ промысла, а промысла отъ состоянія, то и мы будемъ смотрѣть на тогдашній украинскій міръ его глазами. Чтобы начать съ высотъ, на которыя осмѣливался Климентій бросать наблюдательный взглядъ свой, приведемъ стихи его о тогдашнихъ архіереяхъ. Непонятно однакожь, почему онъ не дерзалъ выносить соръ изъ панскихъ дворовъ, а объ архіереяхъ написалъ очень смѣлое обличительное стихотвореніе. Не потому ли, что книга его назначалась для мірянъ, которымъ было

(1) Усердіе. — (2) Тягость, трудность.

опасно держать въ домахъ своихъ сатиры на предержанія свѣтскія власти? или, можетъ быть, его не поражало хищничество тогдашнихъ пановъ, столь очевидное по другимъ документамъ и даже по его собственнымъ дружелюбнымъ къ нимъ обращеніямъ? Въ сатирѣ на архіереевъ, у Климентія, въ заголовкѣ высказано больше, нежели въ самихъ стихахъ: *О кумовстві, що кумі брати кумові не благословляють, абѣ тежѣ дочкы куминѣ. А иди хто пересолить добре талярами, абѣ чирвѣними золотими архіерееві котрѣму, то и грѣхъ прочь откладаютъ, и благословляють, и беззаконіе на законъ прекладаютъ.* Изъ самого текста мы выпишемъ только слѣдующіе стихи:

И не тільки самому куму взятъ збороняють,
але еще и синѣмъ также возбраняють.
А гди владикамъ очи добре засліпляютъ,
то обѣи рукамі тихъ благословляютъ.
И нехай би владіки нічого не брали,
да дарѣмно, безъ всякихъ дачъ благословляли.
Але за грѣхъ собі великий почитаютъ,
а хто подсуєнегъ добре, и грѣхъ прочь откладаютъ.

О панахъ Климентій имѣлъ понятія самыя рабскія. Онъ не допускалъ и мысли, чтобы власть попадала въ руки недостойныя, хотя передъ его глазами властвовалъ коварнѣйшій изъ пройдохъ, гетманъ Мазепа. ⁽¹⁾ Онъ говоритъ:

Человѣкъ самъ собѣю власти не принимаєтъ:
тільки ему отъ Бога посланна биваетъ,
И хочъ часомъ панъ який на урядъ промовалъ ⁽²⁾,
еднакъ найпаче самъ то Господь Богъ керовалъ ⁽³⁾;
Бо всяка власть въ Божіихъ рукахъ жительствоуетъ,
ейже кому хочеть, гѣдному дарствуетъ.

Въ стихотвореніи: *О веселості двѣрской и о смущеніи*, онъ сравниваетъ пана съ Христомъ:

Если часомъ веселъ панъ, и слуги веселятся;
а ежели панъ смутенъ, и слуги смутятся.
Смутна жъ біла вся тварь, гди Христа распято,
поневажъ зъ свѣта всяку радость біло отнято;

⁽¹⁾ О личномъ характерѣ Мазепы даетъ понятіе Пасекъ, авторъ извѣстныхъ въ польской литературѣ *Pamiętników*, на котораго Мазепа налагалъ королю и отъ котораго получилъ въ королевской пріемной пощечину. Мнѣніе Паска о Мазепѣ тѣмъ интереснѣе, что онъ писалъ о немъ, не зная его будущности. (*Pamiętniki Jana Shrysostoma Paska. Petersb. 1860 pp. 101, 152 — 156.*)

⁽²⁾ Вызывался, старался получить. — ⁽³⁾ Управлялъ, направлялъ.

А когдѣ такожде впасть Христось изъ мѣртвихъ восталъ,
тогда новое міру весѣлье даровалъ.

Поклоняясь панамъ униженно, до профанаціи святыни, Климентій осмѣливается просить ихъ, въ особомъ стихотвореніи, не слушать побѣдниковъ:

Що то, панове, у васъ есть такіи за звичай,
же то оскорбляете слугъ своїхъ надъ звичай,
А найпачей слугъ вірнихъ и южъ заслуженнихъ,
и жадною мірою въ чемъ не подозрѣннихъ!
Кгди жъ мѣрзскимъ клеветникомъ віру имаете,
ажъ оні лгутъ, яко пси, ви и не знаєте.
Наветъ кажіть тимъ лгаріямъ доводъ доводжати,
а собі тогѣ часу всяко розсуджати;
А не міли би слугънихъ доводовъ давати,
то звольйте кнѣми такіхъ частовати.

Взяточничество не могло не существовать подъ самовластнымъ и любостыжательнымъ гетманствомъ Мазепы. Въ стихотвореніи: *О убогихъ людехъ*, Климентій проронилъ два стиха о лихоимцахъ:

Бо богачъ сѣдямъ очи мздою забиваетъ,
и тобою до конца онихъ осліпляетъ.
А убогий неборакъ хочъ трѣхъ споткнѣтся,—
пѣвне побѣденному дармо не минѣтся.

Различіе состояній въ тѣ времена было велико. Климентій пишетъ, что убогіе люди, служа по наймамъ, часто не получали своего бѣднаго заработка. О судѣ и правѣ онъ не упоминаетъ и грозитъ грабителямъ только Божескими наказаніями. Что богачи тогдашніе были далеки отъ простоты въ жизни, — видно изъ описанія такъ называемыхъ ихъ *шафарей* (казначеевъ, дворецкихъ) и ключниковъ.

Шафаръ повиненъ писати всякіе росходи,
также якіе тежъ есть и приходи.

И на сумнѣння панства скѣрби вручають,
нехай же и до пановъ шафарі щірость мають.

Якъ то відимъ, такіи трафунки бивають:
якъ лічби не издають, своїмъ докладаяють.

Въ стихотвореніи: *О ключникахъ пановъ великихъ свіцкихъ и духовнихъ властей*, онъ изображаетъ такимъ образомъ удаленіе пана отъ «дворскихъ слугъ».

Всѣкий пань, якъ вірного слугу вподобасть,
 то тѣди великий скарбъ такому вручасть,
 И розказуєть инъ пань, же до вбогихъ мій взглядъ
 и въ своємъ послушенстві во всемъ добрь доглядъ:
 Жебїи ма не о всемъ томъ въ свой часъ турбовано
 и жебїи мні отъ дворскихъ слугъ не доношанно,
 Же по гѣдности въ свой часъ кому знаючи дай,
 а згѣла хто бунтовникъ гѣрдий, тому не дай.

Изъ этого видно, что дворскіе слуги во многомъ, если не во всемъ, зависѣли отъ шафара или ключника, — и поэтому-то клеветники и ябедники, въ панскихъ дворахъ, были въ большемъ ходу. При независимости личной, право сильного до такой степени развилось въ гетманство Мазепы, что пань называлъ *бунтовникомъ* непокорнаго, то есть не все сносящаго подсосѣдка или двороваго слугу. Климентій одобрялъ панскія мѣры для удержанія пахарей на панскихъ земляхъ; но дворовымъ, видно, доставалось отъ пановъ еще больше, и потому онъ написалъ стихотвореніе: *О влѣстелехъ, карѣющихъ людей, абѣи и слугъ своихъ домовихъ безъ доводовъ слѣпыхъ*, въ которомъ однакожь ограничился увѣщаніемъ судей и не тронулъ пановъ ни единымъ стихомъ. Онъ признавалъ за ними право наказывать кїями дворчанъ своихъ, какъ это мы видѣли изъ его совѣта *частовѣть кїями* ябедниковъ. Въ стихотвореніи: *О оскудѣніяхъ въ сїе время грошовыхъ*, онъ предлагаетъ панамъ (безъ сомнѣнія, сообразно съ тогдашними нравами и обычаями) слѣдующія вѣрныя средства — заставить народъ не пренебрегать дурною монетою: 1) *шмаровѣть кїями* (1), 2) отбирать *худѣбу*, 3) *мордовѣть* (мучить) работою въ своихъ дворахъ. Это стихотвореніе исполнено историческаго интереса, и потому выпишемъ его цѣликомъ.

Скѣдно вѣлыми на грѣши стало въ нашѣмъ віку,
 же трѣдно о нихъ згѣла нѣдзпу (2) челоویку.
 Хочъ зарѣбѣть, лихими грошми заплачають,
 а и лихими еще особѣ укривѣають.
 А добріе все собѣ богачі позбирѣли:
 жебѣ билѣ що на той свѣтъ братъ, въ зѣмлю поскривѣали.
 И нехѣй же и въ зѣмлю грѣши сокривѣають,
 абѣи хочъ ложками ихъ въ стравахъ поядѣають,
 Тїлько жебѣ глѣдкими наветѣ не браковѣли,
 и шафаровъ своихъ на то не научѣли.

(1) Слово *кїями*, какъ здѣсь, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, написано большими буквами.

(2) Убогому.

Людьми вбогимъ чехи зли по чеху давають,
 а отъ нихъ по осмаку въ купляхъ отбирають,
 Бїлеби якъ несїтства свой наситїти
 и всї шкатули презъ верхъ самїи наполнїти.
 Уже жъ, єсли полїните, добре наполнїйте,
 да принамнїи поспобльству браковать зборонїйте.
 Нехай по-Запорозскїи би не перебирали,
 да и гладкими грошми не браковали.
 Если бїсте ви, влїстї, тихъ браковъ зборонїли,
 добре бїсте наро́ду крїпко учинїли.
 А то, на васъ глядячи, и самї бракують,
 да ненависть и скорбь межъ собою справують.
 А способъ би вамъ такїи слўшне былъ на тоє:
 гдї бїсте кїими шмаровали за тоє,
 Абó тежъ на худобахъ мужиковъ карали,
 или роботою въ дворахъ своихъ панскихъ мордовали.
 Или тежъ самї бїсте престали браковать,
 и по городахъ людемъ презъ письма приказать;
 А ина́чеи не мочно вамъ браковъ скоренїти,
 и самї не бўдете знать, що зъ тїмъ чинїти.

Это стихотворенїе гармонируетъ съ извѣстнымъ представленїемъ
 Мазепы о чехахъ, нарочно вычеканенныхъ для Украины.

Смерть богатаго и знатнаго чело́вѣка описана у Климентїа ходячими,
 избитыми фразами. Замѣчено только, что съ высокимъ титуломъ *влас-
 теля* соединяется непременно богатая нажива:

Бо гди влїстель, то вспомнїть свой високїи титулъ
 и предъ конанїемъ много зъ скарбомъ ўзрїть шкатулъ.

За папами въ тогдашней Украинѣ слѣдовали, какъ вторая степень
 подражательной аристократїи, козаки, изъ которыхъ каждый, сдѣлав-
 шись урядовымъ чело́вѣкомъ, назывался уже папомъ, или, на Климен-
 тїевомъ языкѣ, властелемъ, и могъ, умирая, узрѣть передъ собою *мно-
 го зъ скарбомъ шкатулъ*. Мѣра его обогащенїа зависѣла не столько
 отъ важности занимаемаго имъ мѣста, сколько отъ его жадности, отъ
 равнодушїа къ подчиненнымъ и отъ умѣнья угождать болѣе сильнымъ
 людямъ ⁽¹⁾. Мазепа, выигравшїи такъ много во мнѣнїи потомства своими
 бѣдствїями, былъ, во время своего благоденствїа, верховнымъ покрови-
 телемъ и образцомъ хищничества въ Украинѣ. Онъ обогащалъ своихъ
 родственниковъ; онъ предоставлялъ каждому свободу обогащаться по-По-

⁽¹⁾ См. приложенїа ко 2-му тому *Записокъ о Южной Руси*, стр. 318.

луботковски (¹); онъ потакалъ самоуправству каждаго высшаго начальника съ низшимъ, каждаго сотника съ простымъ козакомъ, и козака съ безоружнымъ пахаремъ (какъ это мы увидимъ ниже). Поэтому люди посполитые были паствою вооруженнаго сословія, которое играло роль аристократіи не хуже собственно такъ называемыхъ пановъ.

Слѣдующее стихотвореніе покажетъ, какой духъ вкоренился въ гетманскихъ козакахъ относительно ихъ беззащитныхъ братіи. Стихотворецъ не упоминаетъ вовсе о мѣрахъ строгости къ мародерамъ со стороны старшихъ, такъ какъ этихъ мѣръ никто и не принималъ, считая простой народъ за ничто. Даже и въ думѣ народной только Богъ каралъ козаковъ за жестокое обращеніе съ безсильными поселянами (²). Козаки обуздывались одной совѣстью въ своихъ неистовствахъ. Законы для нихъ почти не существовали: ихъ собственная судьба зависѣла отъ произвола лукаваго гетмана и достойныхъ его войсковыхъ старшинъ, руководствовавшихся въ своихъ поступкахъ только эгоистическими убѣжденіями.

О козакахъ, неіоднихъ похвалі, меновіте о тихъ злихъ и окаяннихъ синѣхъ и не-отѣцькихъ дітяхъ, котѣрне у войско идуть,

(¹) Въ упомянутой выше запискѣ Теплова, на стр. 189, сказано: «Старшины, опредѣляя имъ (простымъ людямъ) командировъ, яко бы выборомъ ихъ собственнымъ, а въ самомъ дѣлѣ единственнымъ своимъ самовольствіемъ, законы многообразные обращаютъ во вредъ, а пользу пицупскихъ правосудія — въ прихоти, содеража ихъ въ подобострастіи тѣмъ чиновникамъ, которыхъ они опредѣляютъ и низвергаютъ. Я здѣсь разумѣю не тѣхъ только старшинъ, которые у нихъ называются *генеральные*, но, по ихъ же нарѣчію, всѣхъ тѣхъ, которые во всей Малороссіи въ судахъ высшихъ и низшихъ правосудіе отправляютъ, которыхъ власть, каждаго по своему мѣсту, почти неограничена, а взаимное соединеніе мыслей неразрывное.»

(²) См. думу о бурѣ на Черномъ морѣ, въ *Сборникъ Украинскихъ пѣсень*, князя Цертелєва:

Якъ я изъ гѣрода съ Пириѣтина, панѣве, виізкавъ,

...близькихъ сусѣдівъ хлѣба й солі безневѣнно збавлявъ,

Діти маліі, вдѣви старіі стрѣмлявъ въ грѣди товкѣвъ.

Въ вариантѣ, записанномъ мною отъ кобзаря Архипа Никонѣнка, воспоминаніе о безнаказанности вооруженнаго сословія выражено еще въ болѣе яркихъ краскахъ:

Тѣ ще ми, брѣте, не дѣбре вчиняли—

По улицяхъ дѣбрими кіньми гуляли,

Дітки маленькі кіньми розбивали,

Кровъ християнську безневѣнно проливали....

См. еще вариантъ въ *Малор. и Червонор. народныхъ Думахъ и Пѣсняхъ* (Дукашевича), стр. 61.

а людѣй, на путѣхъ идучихъ, або идучихъ, обдирають, или щокольвекъ насильствомъ рабуючи, пакості сотворяють.

Вѣлми тѣе козаки зле собі поступаютъ,
же, идучи у войско, людѣй где обдирають.
Подобало бѣ имъ тогда милостиню дати,
а не такъ на погібель нмъ вѣчну сотворити.
Запам'ятати то, знати, въ таковихъ злихъ дѣшъ,
же показують бісу вгѣднне анимѣши⁽¹⁾.
И нехай тѣе собі зліе раби бѣдуть знати,
же съ помстою своею Христѣсъ не бѣдетъ (іхъ) минати,
И воскресі таковихъ мѣжетъ викоренити,
и пам'ять іхъ со шумомъ на-вѣки погубити.
— — —
Побийотъ бо слѣзи на вѣкъ отъ нихъ оскорбленнихъ
и всѣкихъ хочай мало отъ нихъ озлобленнихъ,
И у войска пошедши, ку домомъ не возвратитъ,
алѣ бѣдуть ганѣбно головами накладати....

Не всѣ козаки пользовались правомъ сильного; не всѣхъ осуждаетъ и Климентій. Вообще къ козацкому сословію онъ очень благоволяетъ и допускаетъ неистовства только въ *не-отецкихъ дѣтяхъ*, т. е. въ безродныхъ бурлакахъ, записавшихся въ козаки. Въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ цѣлый панегирикъ козакамъ, въ которомъ говорить:

....грішїтъ Бѣгу, хто даѣтъ козакамъ зневагу.
Прѣстїй чоловїкъ завше у домѣ пробуваѣтъ,
а козакъ, шедши въ войско, весь домъ свой оставлѣтъ.
— — —
Зачїмъ не тїлько ховаї, Бѣже, нагану даватъ
козакамъ, алѣ трѣба іхъ, якъ святїхъ, шануватъ.

Осуждая въ козакахъ желаніе быть погребаемыми въ поляхъ, на могилахъ, преимущественно передъ цвинтарями, онъ съ негодованіемъ говоритъ о мужикахъ, которые въ этомъ подражаютъ козакамъ:

Трѣба бѣ ганитъ подобно такіхъ челоуїковъ,
же кладѣтсѣ нїїе въ поляхъ зъ давнихъ вѣковъ,
Кдї освященнимъ мїсцемъ церковнимъ взгоржають,
а на могилахъ себѣ класти повелївають.
Хто бо подъ церковню главѣ покладѣтъ,
о томъ большъ цѣрковъ Бѣга о покѣїи благаѣтъ.

— — —
Бо мѣвїтъ: *зде лежащихъ*, а не: *на могили*,
хочъ то и тихъ могїльныхъ вспоминаѣтъ по хвїлі,
Когдѣ речѣтъ: *и повсїду Христїїнъ православнихъ*,

(1) Характеръ, духъ.

та́кже вспо́минаєть и вла́стей козако́въ сла́внихъ.
 Ино въ доро́зі любѣ въ войску легті и въ полі,
 же церкѣви нема́шь; му́сїть то бы́ть по нево́лі;
 Ато́ зъ до́му нести́ся въ по́ле изво́лієть,
 где вовкъ, абѣ те́жъ и́ный звѣрь ся похо́жаєть,
 А на свяще́нномъ мѣ́сту не хо́четъ покла́дять,
 лечъ зъ до́брой во́лі хо́четъ отъ церкѣви отдала́ть.

Звича́й коза́цкне въ тихъ рі́чахъ бува́ють:
 же въ по́ліхъ кла́дуться и мо́гили виспи́нають,
 Того́ ра́ди, же въ войска́хъ бива́ли и въ по́лю,
 и зъ неприя́телями на поті́чкахъ въ бо́ю,
 Жебъ и по сме́ртѣхъ щі́рость іхъ не запо́мина́нна,
 даби́ хвале́бно лю́дьми че́стними вспо́мина́нна.
 А мужи́ка́мъ не тре́ба въ коза́цку сла́ву втруча́ть
 да гди не пудъ церкѣ́ми, то въ гу́мнахъ пудъ гру́шамъ по-
 кла́дять,

Жеби жо́нкі іхъ гробо́въ ча́сто наві́жали,
 а на мѣ́стахъ іхъ дру́гихъ мужи́ко́въ приво́жали.
 У́же жъ, коза́кі, со́бі ви здо́рови бува́йте,
 а мужи́ка́мъ про́стимъ сла́ви коза́цко́й на пота́лу не попу-
 ща́йте.

Статья о Климентіѣ должна, кромѣ своего критико-историческаго обзора, служить замѣною и самой рукописи Климентія, покаместъ не находящей себѣ издателя, а потому представимъ рядъ выписокъ о ремеслахъ, начавъ съ ремеслъ, ближайшихъ къ быту первенствовавшихъ тогда сословій.

*О кухмістерахъ, абѣ те́жъ о ку́харя́хъ, що́ готу́ють на-
 нѣмъ істи мѹ́дро, абѣ хочъ ча́сомъ и не мѹ́дро.*

Ку́хмі́стра, мо́вають, пудъ поро́гомъ положи́ти,
 ѣжели би голо́домъ мѣ́в себѣ у́морити.

И тру́дящися не то́лько бъ себѣ не зморі́лъ,
 лечъ би не згрі́шилъ, гди бъ и ни́бого поживі́лъ

(Ежели при до́стѣткахъ мно́гихъ клопо́тїтся,
 коло́ огню́, якъ му́ха въ укро́пі, верті́тся).

Па́нь би за то ве́лі́ка гні́ву не положи́лъ,
 и Бо́гъ би сме́ртельна́ грѣ́ха не постано́вилъ.

По́длугъ Пи́сьма, тру́дникѣмъ пре́жде подо́баєть вку́сити,
 и пото́мъ до сто́ло́въ па́нскихъ че́стно носи́ти.

И по́нева́жъ те́жъ ку́хмі́стръ въ тру́дахъ своі́хъ клопо́тѣнь,
 тре́ба и е́му́ то́го жъ вво́рва́ть, жебъ не билъ голо́де́нь.

Бо пудъ ча́съ на пу́лмі́скахъ не то́лько не оста́неть,
 але́ бива́єтъ то, же ни́огда́ и не ста́неть...

О докторяхъ и о цілюрикахъ.

Вельми и докторство есть потрібно на світі,
 же кождий би доктора хотілъ собі міти;
 А же о їхъ нѣжно, же мало їхъ биваєть,
 кромѣ великъ сенаторъ где доктора тримаєть.
 И не тільки оскѣдно о докторовъ мѣдрихъ,
 але и о прѣстихъ цілюриковъ немѣдрихъ.

— —
 Тільки жъ на ліченомъ не наїздиться коні:
 графлялось тихъ лікарствъ заживати и мні....

О гафаряхъ (¹).

И гафарство — чѣстное ремесло на світі,
 и імъ бо далъ Богъ рѣчи мѣдріе уміти.
 И хочъ оні и цѣху у себѣ не мають,
 а поважніе штѣки до церквей зробляють,
 Яко-то: пояси, покрѣвці и воздѣшки,
 а паномъ кульбаки гафтѣють и подѣшки,
 И до сагайдачця оздобы придавають,
 и пніе чѣстніе діла виробляють....

О золотаряхъ.

Золотаря треба би ангеломъ равняти,
 же мѣжеть небесніи сосѣди зробляти;
 А то въ такий цѣль тоє не инакъ ставаєть,
 ижъ всякий щиролюбный посѣдъ небо маєть;
 Напрікладъ, якъ-то: мѣтри или патеріци:
 тамъ бо цѣрскіи вінці, сцѣнтри въ Божой десниці,
 И прѣчее мѣжеться все зась знайдовати,
 котрѣе звѣкло zde въ насъ на землі бивати;
 Меновите — вельможнихъ гетмановъ булави,
 до котѣрихъ потреба хотѣщимъ голові.
 И инни войсковіе ділають клейноби
 и прилічніе воинамъ рѣзніе приміоби.
 И пояси ділають срібрніе мѣдріи,
 и евангельски блѣхи рѣблять премѣдріи,
 А особѣ капитуламъ ділають печаті,
 о котѣрихъ ажъ не знають, якъ рещі почати.
 Такожъ и властѣльскіи лѣски (²) оздобляють,
 якъ імъ повелѣвають, тако потрафляють.
 И позлобніи тежъ зъ срібра рѣблять кѣпки,
 и всякий до столовъ панскихъ втожъ посѣдки.

(¹) Гафаръ — шмуклеръ, занимающийся шитьемъ узоровъ и выдѣлкою кистей, снурковъ и т. п.

(²) Палицы.

И до батареі святіхъ річи престольниі,
 и многіі потреби такъже церковниі.
 И паннамъ перстені златіі изробляють,
 и каменьми драгіми оніхъ украшають.
 Додавають же кштальтовъ и на сагайдаки,
 и на сагайдачнне остра и кульбаки.
 И шаблі драгоцінно срібромъ осажають,
 же ажъ зрящіи на тихъ вельми ся удивляють.
 И гүзіки робять и окладають нѣжна,
 и всего неотмѣни, все бо имъ возможна.
 И справляють тако жъ премудріі ножі,
 котріхъ держать собі богатіі мужі.
 А що есть каділници и срібрніі лихтарі,
 и лімпи, — все то тѣе робять золотарі.
 И до образѡвъ вінці, рүчки и корѡни.
 Приймй до свей іхъ, Бѡже, оборѡни!
 И що-кѡльвекъ на землі світъ сей потребуєтъ,
 все то золотарь своїмъ рѡзумомъ готуєтъ....

*О довбишѣхъ, що въ бѣбни бѣбнятъ и о тренбачѣхъ, що въ
 трѣби трѣблятъ и въ сѣрми сѣрмятъ.*

Дѡвбишіі войсковіі ігри отпраляють,
 такъже и тренбачі, гди въ трѣбни витрубляють.
 И потреба імъ обѡмъ братъ за брата жити,
 же довбишъ бѣдетъ бѣбнѣтъ, а тренбачъ трубити.
 И ігри іхъ слухачѡвъ часомъ веселяють,
 а иногдѣ на жалѡсть велику возбуждають,
 Гди, слішащи, мѡщно судъ Бѡжній памѣтати
 и архангельскую тежъ трубу вспамѣтати.
 И до умилѣнія слішащихъ приводить,
 понѣже чѡловіку и смерть въ памѣть вѡдѡдитъ.
 А часомъ при банкѣтахъ весело слухають,
 когдѣ мирно на пирѣхъ питій уживають.
 А особно зась довбишъ въ раду вибубниєтъ,
 и въ походъ войсковий тѣе жъ сотворѣєтъ.
 И по побѣдахъ такъже зъ бѣбни, витрубляють,
 коли южъ вѡйска собіі триѹмфъ составляють.
 И предъ врати бѣбнятъ, трѣблятъ панѡвъ вельможнихъ
 и въ Запорѡзкой Січи вѡйскъ славнохъ и побѣднихъ.
 Бѣбнятъ въ Січи у вѣчѡрь, вѡйску ва похвалу
 и рано, гди въ то вѣрѣя и Бѡгу творѣть хвалу.
 Прѣто и войсковімъ музикамъ добръ приємъ
 и, яко чѣстнихъ вѡйску слугъ, щіро похваляємъ.

О музикахъ, меновіте о цимбалѣстахъ и скрипникахъ.

Весѣлое ремесло музѣцтво, повѣдають,
 же іграми своїми смѣтнихъ пудвеселяють,
 А весѣлие паче весѣлыми бивають,
 когдѣ музѣки въ скрипку и въ цимбали играють.

И чéстно тáкже собі на світі пробувають,
 ќди жъ и самóму Бóгу похвалу́ отдавають,
 Понéважъ, якъ íнше ремéсники цехъ мають,
 такъ и оні, спасéть ихъ Бóгъ, въ цеху́ заставають,
 И вéдлугъ церкóвного уклáду поражають,
 и до церкв́ей Божіихъ св́ичи чáсто справляють.
 А гди бъ хто мóвнивъ, же лéгкимъ хл́бомъ забавляють,
 такий имъ хл́бъ Господь далъ, — нехай не подивляють,
 И хл́ба дарéмного н́гдé не уживають,
 т́лько е́го вся́кше презъ пра́цу заробляють.
 И прéто, хто ремеслá научáеть,
 таков́ий меншъ пр́остою робóтою тружда́еть.
 Ремеслó св́ято д́ло на світі ся знайд́уесть,
 котр́ий зъ п́льною е́го охóтою патру́есть.
 И хто ремеслá сво́его з́авше чáсто пильну́есть,
 то́му до е́го пра́ці и самъ Бóгъ пособств́уесть.
 Нехай же безъ л́ности и муз́ики играють
 и весéлости молод́имъ лю́дямъ додавають.
 А найгра́вшися, нехай трóха и спочивають,
 да по пóвної кляні́ци горі́лки випивають.

Казалось бы, стихотворець, столь довольный, какъ Климентій, скрипачами и цимбальниками, не долженъ вооружаться и противъ *дударей* или волынщиковъ; но у Климентія была къ нимъ какая-то непонятная для насъ антипатія. *О дударяхъ, що въ д́уди играють, онъ пише́ть такъ:*

Мерзéная то игра́ дудá застава́есть,
 и шу́нцу всі́мъ гр́шнимъ лю́дямъ прэзнача́есть ⁽¹⁾;
 Надима́ють бо ся, я́ко гóрдий дме́ся,
 по́куль ревті́ и густі́ зъ б́дбою начне́ся.
 Повідають, же та игра́ нечесті́ва,
 лечь, гди не отъ Бóга, то отніо́дь злочесті́ва.
 А гді́ начну́тъ дударі́ д́уди падима́ти,
 въ той часъ шпéтне, же ѓуби ста́нутъ отдима́ти.
 А и́жъ не отъ Христия́нъ прáве яві́лася на сві́тъ,
 не годі́ло бъ ся ё́й Христия́номъ нм́ть.
 И не т́лько дудь, а́жé хочъ би и игръ жа́днихъ,
 бо бу́дять бл́днюю мисль въ чéлові́цехъ жа́днихъ.
 Мо́жно бъ и безъ игръ въ сла́ву Бóга повесели́ть,
 а всі́ душевред́ние, игри́ нескорепі́ть.
 Ра́зві́ воєннихъ игръ, що зв́икли въ войскахъ держа́ть,
 котр́ими въ война́хъ на брань и на три́умфъ глася́ть.
 За войскові́е игри́ гр́хъ не положéнно
 въ кн́гахъ, а́лэ и по сей де́нь не отречéнно.
 Мо́гутъ ихъ войска́ по де́нь послéдній трима́ти
 и къ звича́йнимъ потреба́мъ о́нихъ ужива́ти.

(1) Т. е. осужденіе на Страшномъ Судѣ.

И безгрішно єсть въ трѣнби и въ домѣхъ трубѣти,
 звѣща въ великихъ властѣи, и въ котлі бѣти,
 И зъ огненнихъ оружіи часомъ випалѣти,
 абѣ тежъ, простѣйше мѣвлячи, стрѣляти.
 И, на хвалу Христову, и днесъ заживають,
 понѣважъ въ Великъ-день на радость стрѣляють.
 Вспоминаючи триумфъ Христовъ, всегда що-рѣку,
 и, на умѣльность дѣшамъ, чинить то знарѣку,
 И на Богоявленскій прѣздинокъ такожъ стрѣляють,
 очищеніе отъ грѣхъ мѣру извѣщають.
 А корчѣмніе ігри похвалі не гѣдни,
 бо тѣлько своявольнимъ людѣмъ оні вгѣдни.
 А бѣрзій дудѣ, здавна подобно проклѣта,
 щобъ отъ благословѣнныхъ онѣ билѣ отнята!
 Проклѣтому рѣду ю тримать подобѣеть,
 котѣрній Христа Бѣга во вѣки не знаѣеть.
 И бѣдай загинула дудѣ на всѣ вѣки,
 жебъ большъ не видали ю вѣрніе чѣловики!
 И научившимся людѣмъ въ неѣ играти
 трѣба за тѣе крѣпко отъ сѣрдца каяти;
 А еѣ до всѣхъ дѣбловъ у вѣду втопѣти,
 абѣ огнѣмъ великимъ у гноѣ спалѣти....

Точно такъ возстаєтъ онъ и противъ танцевъ. Видно, оба эти стихотворенія писаны были въ монастырѣ, послѣ прогулокъ *низома, хмилома, попида вѣрбами*. Сравнивъ танцоровъ съ древнею Иродіадою, онъ продолжаетъ:

И тепѣрь танцовъ много на свѣтѣ бивѣеть,
 кѣждий чѣловѣкъ правду на тѣе признаѣеть,
 Яко-то: на игрищахъ и на тихъ позбѣрахъ,
 и по корчѣмнихъ вездѣ своявольнихъ двѣрахъ;
 И на весѣліяхъ бѣрчнихъ также танци бивають,
 и многовертѣмимъ плясѣннемъ Бѣгу згрѣшають.
 Мѣщно бѣ бѣрѣку законну обѣити и бѣзъ тѣго,
 именно бѣзъ плясѣннѣ проклѣтого....

О сѣдларѣхъ, абѣ тежъ о кульбѣчникахъ, що кульбѣки рѣбятъ.

Дѣбре то вѣгаданѣ кульбѣки рѣбѣти,
 жебъ, издѣчи хто вѣрхи, на такъ ся могъ збѣти.
 И чѣстніе то рѣчи кульбѣки, и вѣажніе,
 бо издѣтъ осѣбѣи високоповѣажніе....

О шабѣльничѣхъ не могъ Климентій ничего больше сказать въ цѣломъ стихотвореніи, какъ: что они *премѣждриє шаблі изрѣбляють* и что жѣлары изображають съ мечѣмъ святыхъ.

О сагайдачникахъ, що сагайдаки (або тежъ по-простій мовлячи) лукї робятъ козацкіе.

И сагайдачники, що лукї изробляють,
та́кже, знаю, козака́мъ потре́бни бива́ють,
Бо вгди́ж до стрі́л и луко́въ о́собно потре́ба,
а тативу́ и самъ мо́жетъ зді́лать, якъ тре́ба.
А що самі́е, мо́влю, б́нше-то лу́кї
учо́бне майстеро́ве ро́бятъ реме́сникї,
Бо козаку́ и лу́к — приви́сї, або́ кле́йно́тъ,
або́ тежъ, ві́мъ, коза́чка оздо́ба и приміо́тъ....

О стрільникахъ, що стріли козацкіе робятъ и о козакахъ похвальное.

И стрі́льникї козака́мъ потре́бни бива́ють,
по́нева́ж до во́єннихъ спра́в стрі́ли зро́бляють;
Бо и стрі́лою мо́жно та́кже пора́зити
и якъ о́гненно́ю стрі́льбою уме́ртвити.
И дівна́я рі́ч стрі́ли, гди́ ихъ ви́тяга́ють
вго́ру: и ви́соко та́к не́чи́мъ не до́сяга́ють.
Же ко́торий зна́йде́ся коза́к здо́ровнихъ ру́къ,
то та́кий крі́пко мо́жно и до́бре тя́гнетъ лу́къ,
Же ажъ мо́жетъ на вере́ту́ во́здухъ заче́пити
и хму́ри во́здущні́е стрі́лою про́бити.
И то по пра́вді́ то́му та́ко бі́ти мо́жно,
кди́ и бі́ло на сві́ті́ то́е-то не ло́жно,
И́ж не́дїсь стрі́ла, вго́ру козако́мъ пу́щенна
су́ха, а зъ ви́соті́ вь до́ль мо́кра возвра́щенна.
Зна́ть то, же скро́зь до́ждєвну хму́ру стрі́ла про́йшла,
ті́лько що щось о́блаковъ не́бєснихъ не до́йшла.
Бі́ло то на Сі́вері, вь пи́сця сего́ ві́ку,
при лю́дєхъ мно́гихъ, а не при е́дно́мъ чело́віку.
И то́гда жь хму́ри ча́стка на зе́млю изпа́ла,
вели́чествомъ, я́ко чолові́чая гла́ва,
Вь по́добні́ ле́да, и та́м же и изта́йла,
и во́дою сві́тлою на землі́ зоста́ла.
Прето́ дивова́тися и за́сь стрі́ламъ тре́ба,
же ма́ло само́го не до́сяга́ють не́ба.
А ви, коза́ки, лу́къ, здо́рови, потяга́йте
и зъ о́гненнихъ ору́жїи сме́ле ви́паля́йте....

О солітраникахъ.

И солі́трани́цтво — якъ реме́ство по́добно,
же солі́три на по́рохъ вста́вично на́добно.

—
А вь солі́тру вели́кий ко́штъ укла́дають,
гди́ господа́рі́ собі́ майда́нъ закла́дають;

И великъ крѣпко заводъ треба на той розходъ,
покуль узрятъ солітру и изъ нея приходъ....

О пороховникахъ.

Такожъ людамъ потрібни и пороховники,
яко тежъ и ѳнне всюда ремесникъ.
Прохъ бо потрібенъ, гди звѣрей, птиць стрѣляютъ,
и въ день Богоявленскій, гди воду освящаютъ.

— —
И пороховнику дай, Бѣже, мѣть пожитокъ,
и, за працу его, въ домъ великій прибитокъ....

*О роговникахъ, що роги козакамъ робятъ носити при боцѣ,
для держання пороховою.*

И козакамъ потреба такъже майстеръ рѣзний, —
розглядѣвшись, троха не ремесникъ кождий,
А особливѣйше тежъ той-то и роговникъ,
яко и ѳнний майстеръ, абѣ зась ремесникъ;
Бо козакамъ треба всякого привѣлля,
тѣлько не бѣрзо треба шевского копѣлля,
А роговъ на порохѣ зѣвше потребують,
и въ нихъ, идучи въ войско, порохѣ готують.
И добрый въ козаковъ чинъ — зъ рогами ходити
въ войску, бо въ рогахъ порохъ не можеть змочити,
Не замѣкнетъ натравка и впятъ ладовница,
а безъ ѳистра пистолѣтъ змѣкнетъ и ручница.
И роговникъ же нехай козакамъ ся прислугуетъ,
и отъ нихъ похвалѣ и ласки заслугуетъ.

*О иконописцахъ, сирѣчь о малярѣхъ и о честномъ рукоділлі
ѳнихъ, и о богомазахъ.*

Рѣзние мѣдрѣсти самъ Богъ на свѣтъ далъ
первого віку, когдѣ сей свѣтъ и миръ создалъ;
Всякихъ бо рукоділїй презъ Духъ Свѣтъ научилъ,
и малярскую мѣдрѣсть тогдѣ жъ людемъ открылъ,
Жебъ на чемъ-кольвекъ его тварь изображали,
такожде и всѣхъ святѣхъ тварѣ малювали.
И ещѣ иконъ творци знайдують штихарѣ,
и другіе честные жъ люде золотарѣ.
И котрий маляръ чисто вікъ свой проваждаеть,
то чудѣвна отъ него икона биваеть;
А богомазкие чудъ образки не мають,
бо тѣлько Бѣгу своимъ ремесломъ наругають,
Гди жадной на иконахъ їхъ немашь оздобѣ
и малярской тежъ якої-кольвекъ подобѣ;
Амѣ отнюдъ вклепались въ тѣе рукоділля,
и великое тежъ зъ нихъ на свѣті безділля,

И́мя имъ *богомáзи*, же малярства не дойшли,
 же безцѣтное діло самі собі знайшли.
 И не хочуть учітись цілого малярства,
 жебъ свой нікчѣмние покидали махлярства.
 И до снхъ богомáзства часъ не скореняють,
 бо мно́гие глупакі въ науку ставáють,
 И, научившись, начnúть по сѣлахъ носіти,
 та́кже и по містахъ по дворахъ пси дражніти....

О друкáряхъ, що кнѣи друкúють.

Пишú вірши друкáрямъ, ремѣсникамъ сла́внимъ,
 котóріе друкúють кнѣи правосла́внимъ
 Люде́мъ; бо всімъ діло ихъ свѣто єсть и чѣстно,
 а ба́рзій тимъ, котрі́е жи́ють благочѣстно.
 Друкúють же всѣ́кіе церкóвние обрѣ́дки
 и всі христі́янские рóзніе порѣ́дки.

— — —
 Чѣ́рство же ся знайдúеть óнихъ то ремѣ́сло,
 а́лє ускрúтно о́но вѣ́лми и тяжѣ́сно,
 А особли́ве ногáмъ, óчамъ неспоко́йно,
 и не обрѣ́тається въ робóтѣ поко́йно;
 Поне́важъ бо, якъ начnúть потягáти прáсп,
 а́ж на главáхъ їхъ вскорі́ мóкри стáнуть влáсы;
 Зача́вши бо, мýсать ся до пóту трукáти,
 а́ж рáзвѣ въ но́щѣ мóгутъ измáло поспáти;
 И въ вели́кій робóтѣ прáздни́къ оставл́ють,
 а тимъ ча́сомъ спóсоби о́пять приготóвляють.
 И научи́лъ такъ Бóгъ їхъ рѣ́хло друкóвати, —
 що за де́нь, то не мóжно за ро́къ преписáти....

О инт́ролі́гáторахъ.

Инт́ролі́гáторъ кнѣи нóви устрáєть,
 а ча́сомъ и старі́хъ якъ лúчить опрaвля́єть,
 И рабóтаєть въ церќвѣ ді́ло палѣ́жное
 и въ до́мѣ письме́ннихъ приналѣ́жное.

О папі́рникахъ, що папѣ́ри у папі́рняхъ робáють.

— — —
 На всѣ́кні бо рѣ́чи папі́ровъ тре́бують,
 на котóрихъ рóзніе рѣ́чи записúють,
 Якъ-то: прода́жамъ, кúплямъ пáмять покла́дають
 и на гóнори прáва крѣ́пкие ствержáють,
 И кнѣи те́жъ рóзніе пишúть и друкúють,
 котрі́і мно́ги лі́та у спрѣ́тахъ вікúють,
 И ико́нъ на папѣ́рахъ мно́го витискáють,
 и въ церќвахъ и те́жъ въ до́махъ къ стѣ́намъ прилі́пляють

О виногради и о винограднихъ.

Если въ літі труді есть въ чемъ такъ безпрестанно,
 якъ коло винограду отпóдъ непрестанно,
 И правда, же безпречь ся въ немъ трудъ полагаєтъ,
 гди работающий въ немъ, нїтъ, не спочиваєтъ.

— —
 И тимъ вино дорого, бо, нїмъ до рукъ прїйдетъ,
 а кошту въ десятеро за літо розїйдетъ.

— —
 Тїлько то охóчні єго распложаютъ,
 а не великий зъ негó, вїмъ, пожїтокъ мають....

*О вїнникахъ, или о винокурехъ, або тежъ о горїльчаникахъ,
 що горїлкї робятъ у вїнницахъ. (По-Венгерскій ся називаєтъ
 вїнница — виноградний огорóдъ, або тежъ левáда, а по-Рускїй
 будїнокъ той вїнницею ся зовєтъ, въ котрóмъ курятъ горїлку.)*

И вїнники на свѣті достóйни поваги;
 а не трéба, крий Бóже, давать їмъ зневаги;
 Потрéбний бо они, вїмъ, трўнокъ виробляють,
 котрóго и монархи сїльнєе вживають;
 А хочъ часомъ и на зло той трўнокъ привождаетъ,
 єднакъ въ томъ вїнникъ винї жáдної не маєтъ;
 Бо гдижъ вино невинно, вїненъ злиї обїчай,
 же презъ міру хто пїєтъ, а не такъ, якъ звїчай....

*О муровицїкахъ, що церквї мурють, или полаци мурóванне,
 або тежъ фортéци, замки и проч., а по-Московскій о ка-
 менцїкахъ.*

И тэслі церквї робятъ, тїлько не такъ славно
 дїло ихъ дрєвяное и не такъ тривáлно.
 А мўри вїчностю ся здавна називають,
 котрїхъ много и поднесъ вездї заставають,
 Ведмугъ присловья: »Хто прáве що мурє,
 то той тїлько будїнки крїпкєе будє;
 А хто-кóльвєкъ дрєвяни виставўєтъ клѣцѣ,
 тóє лáтво до гўри вшендзѣ огнѣмъ лѣцѣ«...

О пивоварахъ.

И бровáрниковъ, або пивовáровъ, трéба.

— —
 И хочъ то мóвятъ: »Не той пїво пьєтъ, хто вáрить«,
 єднакъ и онъ напѣєтся, гди надъ тимъ часъ трáвить.
 Не перепѣєтъ пивовáръ господáрска пїва,
 и не жáденъ господáрь пóзритъ за то скрїва.

— —

Бо не тільки що п'ива мусімъ скоштовати,
але и медъ ситячі, также спробувати....

О солодівникахъ.

И солодівника людъ многий потребуєть,
котрій сбодъ на п'иво изъ збѣжа готуєть.

— —
И хочай тежъ и то есть великое дѣло,
же бѣльша часть въ горілку идѣть збѣжа и въ п'иво,
Зъ того пивоваровъ и винниковъ вимовляємъ
и на-віки отъ вини ѳнихъ визволяємъ.
Нѣтъ їхъ винъ въ борошеннихъ затратахъ,
абѣ зась мѣблю — въ хлѣбнихъ на свѣті утратахъ.

— —
И гдѣбъ на двѣ тихъ рѣчи зтрагъ хлѣбнихъ не билѣ,
ні по чомъ би борошно и збѣжа всяко билѣ;
И нѣде би борошенъ людамъ и дѣвѣти,
и пищетни такъ не могли бѣ погибѣти;
И дровъ би во всіхъ краяхъ пребивало много,
атѣ крѣпко оскѣдно индѣ дровъ для того.
Ужѣ жъ не щѣ мѣстъ всякъ тимъ рѣчамъ чинити,
не мѣжетъ нѣхѣ по-вікъ того скоренити,
Жѣби п'ивовъ и медѣвъ не билѣ варенно,
йжби и горілки зъ свѣта скорененно....

О котлярѣхъ.

— —
Рѣбѣтъ бо казані, трѣби, корці и лійки,
притрѣбники, лѣвники, мідні и кварти, и кондійки,
А попрѣсту мѣвѣчи: щѣ вхѣтѣтъ, то врѣбѣтъ....

О гонтарѣхъ щѣ кѣнтѣ рѣбѣтъ.

— —
впрѣбѣють бо гѣнту — церкѣи побивѣти.
И на побѣтѣ домѣвъ панѣвъ тежъ вельможнихъ
и до прѣстихъ будѣнковъ людѣи промѣжныхъ....

О цегельникахъ.

— —
Іхъ рукоділне иногдѣ зарѣбѣтно,
хѣтъ то, правѣда, пѣтяжко и по чѣстѣ клопѣтно.
Еднѣкъ же мѣжетъ зъ своѣю потрѣбу зарѣбѣти,
а зарѣбѣвши грѣшей, да хѣтъ и ѳженити.
А имѣщие жѣни, тѣе горшѣ пропивѣють,
а жѣни такіхъ въ домѣхъ хлѣба зъ дѣтми не маѣють.
Правѣда, же и цегельникъ ѳний есть ѳторѣжний,
смѣренний, тѣхий, лѣдзеский и до Бѣга побѣжний....

*О вапненникахъ, що вапно палять съ крейди, а часомъ и зъ ка-
мінна.*

Еще одного відравъ ремесника,
що вапно робить, того вапненника.

— —
Вапно бо треба на церкѣвное муровання
и потѣмъ зась на потинковання....

*О садовничихъ, що садї садять и щеплять, для розвѣдѣвъ овоц-
нихъ деревъ.*

Хто хочеть собѣ нѣвий садъ распложать,
той садовничихъ мусить потребовать,
Жебъ овощия дерева въ землю сажать
и отъ тихъ же деревъ до иныхъ прищеплять,
И жебѣ дерево кождое отрѣблять
и въ весняний часъ гноями осипать,
А въ лѣтѣ жебъ мѣль траву пудкошати,
жебъ чисто билѣ овощи збирати....

О гончаряхъ слово віршовѣе похвальное.

Первий на свѣтѣ гончаръ ремесникъ труждатель —
самъ Господь Богъ, Адама и Евы создатель,
Который далъ людѣмъ всѣ хитрості умѣти
и всѣку премѣдрость хотящимъ разумѣти.
Прѣто мѣцно гончарство святимъ діломъ назвать,
понѣважъ Богъ Адама звѣлилъ зъ глины создать.
И гончарямъ чловека мѣцно бѣ зъ глины зрѣбѣть,
тѣлько не возмѣжно зрѣбѣвши, душі влѣпѣть.
Еднакъ сосѣди рѣбать напѣтки выпивать
и всѣкне тежъ горшкі, що їсти готовать,
Также кафѣвие пѣчи виставѣють
и рѣзние на кафѣлахъ оздѣби мудрѣють,
А бѣрзій, що покѣщуваними називаѣють,
где фѣрбами всѣкоя красѣ додаваѣють,
Именно же — многѣе шмѣльцами кладѣть цвѣти
и вѣльми премѣдріе полагаѣють квѣти,
Ажъ би бѣспречъ хотѣлъ на тѣю дивѣтися
пѣчь и грѣтися; до такої мѣло притулѣтися....

*О ткачахъ и о жѣнахъ ихъ и о іншихъ жѣнахъ, ткати имъ да-
ющихъ.*

Межъ иныхъ ремесниковъ и ткачъ умѣшався
и такъ же, якъ ініе, ремесникомъ назвався.
Могла бѣ Россія наша и безъ нихъ прожити:
инѣ въ Тѣрскихъ странахъ матерні робѣти.

А въ насъ и жбни тбе ремесло отпраўють,
и большъ таковѣхъ женъ есть, що ихъ и не требуютъ;
Бо, якъ зхотѣтъ, заразъ могутъ ся научити
и не бѣдетъ основы южъ до ткачей носити.
А въ Литвѣ всякне жбни ткачѣвъ и не знаятъ, —
развѣ козацкне ѣнне потворство мають,
Же то ѣная бѣдетъ не прѣха и не ткаха,
а въ таковой можеть бити ткачѣвѣ взнаха.
А що жъ бѣдуть ткачѣ въ такой собѣ брати,
гдѣ не бѣдетъ основы и потканнѣ давати?
И ткацкне тежъ жбни не всѣ хотѣтъ прѣсти,
абѣ бѣ готовне нѣтки могли въ бѣрда класти,
И часомъ отъ робѣти втку не мало зостанеть,
а до того и прѣжи ещѣ въ кого достанеть,
Ажъ полотнѣ зъ тихъ рѣчѣй можеть изпорядити,
да кошуль и ѣннихъ справъ много мощно пожѣти.
И письменнѣй людъ ткачѣ — всякъ нехѣй разумѣеть —
же старѣй и молодѣй *Отче нашъ* въ нихъ умѣеть;
А ѣннѣй ремесникъ и молитвѣ не знаятъ,
и нехѣй же не ганьбитъ ткачѣвъ — тое собѣ знаятъ....

О бѣрдникахъ.

Бѣрдникъ не знаямъ, кому онъ билъ би потребень,
развѣ тѣлько тѣмъ ткачамъ и жонкамъ потребень,
Бо не можеть ткачъ и тежъ жѣнка безъ бѣрда ткѣти,
ѣдно мѣсятъ бѣрдника собѣ потребовѣти.
Зачѣмъ-то и бѣрдниковъ не трѣба зневажать, —
нехѣй зрѣбляють бѣрда, жеби бѣло чѣмъ ткѣти!

О кравцѣхъ.

Кѣждѣй ремесникъ свою начѣнь не можеть забрать,
а кравецъ и зъ начиннямъ всѣмъ можеть повандровѣть.
Всякъ ремесникъ кромѣ возомъ бѣдетъ начѣнь возѣти,
а кравецъ можеть все свое за нѣдру вложѣти,
А лѣктемъ⁽¹⁾ идѣчи можеть ся пудѣпратѣ
и въ дорѣгу, гдѣ ему трѣба, посвѣшати.
А начинне кравцево меновѣте такѣе:
прасъ⁽²⁾, нѣжици, напѣрстокъ, игѣлка, а не нѣбе....

О шевцѣхъ и о чѣстномъ ихъ реместѣ.

Поважное ремесло и шѣвство зоставѣтъ,
гдѣ жъ чѣстное братство и кѣиторство зъ нихъ бѣвѣтъ.
И *шевцѣ-святцѣ*, такѣ ся то онѣ назѣвѣють,
и зъ своего титулу ажъ самѣ ся вѣтѣшють.

(¹) Родъ аршина, въ три четверти. — (²) Утюгъ.

И щіріе они єсть щевці люде на світі,
и жінки їх добріє, и їх шевскіє діти,
Бо нідди оні жаднихъ шалвірствъ не заживають,
алє и учневъ своїхъ людскости навчають,
И особливе рѣзної тежъ своєї політики
и зъ кни́ги зра́зниці шевско́й чѣстної граммати́ки.
И копі́лля зъ прави́лямъ, и вся верста́тъ їхъ сла́вна:
знаю о томъ добре, и люде мо́вять зда́вна.
А якъ сѣдетъ робіти на своєї верста́ті,
почне́тъ своє всѣ́кое нача́нне роскла́дати,
Яко-то: копі́ла, прави́ла, дра́тниці, стрѣ́нці,
лойни́ки, цвя́шки, смо́льни́ки, на́ручки и кравни́ці,
Такъ тежъ: сти́рачі, мо́лотки, ви́нштаки, то́пки и кле́сачки,
обца́лки, смѣ́лу, воскъ, ви́хти, кле́йстра, пи́сачки,
Зати́рачки, кли́нці, гни́пи, дра́тви, цикна́сарі и щети́ни,
ши́ла, черни́ла, но́жі, скобелѣ́ки, стру́ги, ско́ски, бѣ́лехи
и смо́льшніи,
Вѣ́тошъ, ни́тки, за́веті, коби́лиці, хлѣ́пци, ху́тра и стри́хольці,
ре́ми́нь, во́ду до шпо́вання, лѣ́бля, дѣ́готъ и натя́гачі, и
конці́.
А якъ по́йде́тъ до шку́рь, дубъ товче́тъ, шку́ри переспи́ае́тъ,
а ѳ́нне шку́ри у зо́лу ху́ру закла́дае́тъ,
И ѳ́нне тежъ на коби́лиці шерсть обби́рае́тъ,
а пото́мъ, нади́вши шу́стваль и хва́ртухъ, бѣ́лехомъ мез-
дру́ пудро́біае́тъ,
И, пофа́говавши, въ Бо́жній ча́съ укла́дае́тъ въ квась,
и чека́е́тъ, по́куль бу́детъ переспи́а́тъ впа́ть ча́съ,
И на крі́слі по ца́рскій ⁽¹⁾ сѣди́тъ, якъ на маеста́ті,
и про́ситъ Бо́га, жеби́ на рабо́ту ра́но уста́ти.
А уста́вши усуне́тъ лучни́къ, и же́лізо при́чепляе́тъ,
и лучи́ну зъ пенько́въ смо́льни́хъ зъ огне́мъ роскла́дае́тъ,
А розложи́вши огні́ю, за́разъ перешива́е́тъ,
по́ти, по́куль ажъ ся ему́ подоба́е́тъ.
Якъ перешива́ючи вто́мится, то шку́ри стриху́е́тъ
и на роспуска́ння на чо́боти, ко́лько зъ котро́й па́ръ ви́й-
де́тъ, готу́е́тъ.
А пото́мъ, поки́нувши все, по́йде́тъ бі́ти зби́ра́тъ
бо потре́ба козли́ни пзъ бі́тою ви́чиня́тъ,
И по́йде́тъ до гарбо́вки у чо́вні хита́ти,
козли́ни и бара́нці хочъ и га́белки окра́шати.
А нахита́вшись е́ще и ї́сти захоче́тъ,
и дасть ему́ шевчи́ха, чо́го псхо́четъ.
А якъ при́де́тъ ему́ ча́съ и про́сть ре́ми́нь ви́правля́тъ,
ста́нетъ крі́пко пра́цова́тъ и, якъ пові́смо, той мя́тъ.
И ї́здить у лу́гъ дубу́ и по́пелу гото́вати,
и му́сіть бі́дний до́бре на зи́му пра́цова́ти,

(1) Это слово зачеркнуто другими чернилами, и вмѣсто него написано перху: *по-властѣльскій*.

А особній мусіть по материнку и по листокъ ходіти,
 же ажъ и въ свѣто мало можеъ когдѣ зпочіти.
 И сівши на роботі, то до полночи не будеъ спати,
 а часомъ до самого свѣта будеъ перешивати,
 Аббъ иногдѣ роботу буде старую якую кріпіти,
 или тежъ иную хоробшую новую робити.
 А якъ схочеть шевчиху побить, ни що, чимъ бити, не шугаеъ.
 ёсли чоботъ клесуеъ, тоёю жъ клесачкою поторкаеъ.
 И не дай, Ббже, на свѣті жовкамъ горшой мѣки,
 якъ попасти якому часомъ шевцу у рѣки,
 Бо шиломъ укблетъ и дратвою звѣжеть,
 нездорбва зъ нимъ (хочъ не захочеть) спати не ляжеть⁽¹⁾....

О кожемякахъ, що ткурі вичиняють.

Кожемяці потреба зъ шевцемъ за брата жити,
 а хочъ би и голову вкупи зъ нимъ положить;
 Кожемяка бо шкурі шевцу вичиняеъ,
 а швецъ на чоботи їхъ людамъ поробляеъ.
 И шевці инне уміють шкурі чинити,
 а кожемяки чоботъ не вміють шити.
 И не вимъ, кому бъ шкурі чинити належно;
 подобно бъ, самимъ шевцамъ слѣшне приналежно.
 Аббъ тежъ кожемякамъ и чоботи шити,
 да и шкурі за ёднимъ би цѣхомъ чинити.
 А то ремесло ёдно надвое порвали:
 неслушный нѣкийсь люде чинъ подали....

О бондаряхъ.

Кгдибъ не оні, ні въ чемъ би напѣтковъ хравити,
 ні въ чемъ билбъ жонкамъ и воді носити.
 А що обрізки шевці и кравці покидають,
 а бондари обрізковъ своїхъ не викидають;
 Якъ-то: тріски, котріми можеъ въ печі палити,
 такъже зась особливе и їсти наварити.
 И не будеъ дрімати, же то стѣпки-грѣки,
 а къ тому наппаче, якъ потягне табѣки.
 И не кохається въ сну, же робить въ ночі
 аббъ трость, альббъ кругі, или стружеть обручі....

⁽¹⁾ Послѣдніе четыре стиха передѣланы изъ народной сатирической пѣсни, которая поется такъ:

Ой не дай, Ббже, гѣршой мѣки,
 Якъ попадѣся шевцеві въ рѣки:
 Шиломъ укбле, дратвою звѣже,
 Постѣле шкуру, та и спати ляже,

*О тесляхъ, або тежъ о плотникахъ по-Московскій, а о деми-
дахъ по-Литовскій.*

— —
И чѣстное такъже ихъ и чирствое ремесло,
алѣ и pracowito онѣ, бо тяжестно;
Бо якъ стануть будинокъ який будувати,
треба кождому противъ себе пудиймати,
И тудѣ и сюдѣ дѣрево обертати,
и еще шлягю и тибель забивати....

О звѣнникахъ и о комисаряхъ.

— —
Также и гарматные штѣки отливають,
котѣрими въ приступахъ стѣны добываютъ.
— —
Также не безпотрѣбни, вѣмъ, и комисарѣ,
що робять до церквей сосѣди и лихтарѣ,
И кѣлюхи, и звѣзды, и всякие крестѣ,
въ котрихъ часомъ случаетъ попомъ и тайны нести;
И робять дѣскоси, лѣжици и мирниці,
а для соблюденія агнцовъ и гробниці;
Также и йнполки до церквей виливають,
що на всенѣщныхъ винѣ и елей ставятъ;
И робять фляшци, кѣбки, пулмѣски и збанѣ,
тарѣлки, квѣрти, чаши, чарки и роструханѣ....

О ковалѣхъ.

— —
И найчастѣй ковалѣ кождий требовать будеть,
а якъ-колькокъ безъ иннихъ ремесниковъ пробудеть⁽¹⁾...

О снѣцарѣхъ и о слюсарѣхъ.

— —
Снѣцарѣ бо церковный дѣйсусъ отризаютъ,
а слюсарѣ рѣзные тежъ штѣки работаютъ.
— —
Рѣзные бо мѣдрѣстѣ слюсарѣ показуетъ,
и снѣцарѣ безъ числа штукъ давнихъ виставуетъ;
Прѣто слѣшнѣ бѣ имъ двомъ братами ся називати,
же то премѣдрѣстей навѣкли заживати....

⁽¹⁾ Читатель видитъ, что Климентій иногда наполняетъ свои стихотворенія пустословіемъ, въ которомъ нѣтъ ни одной характеристической черты описываемаго имъ ремесла.

О мельникахъ або тежъ о мірочникахъ.

И мірочництва чѣстни ремесла бивають,
кѣтримъ и безъ жнивъ оні хлѣбъ заробляють.

— —

Товкуть бо и мелють все и изъ рукъ здавають,
всякимъ людемъ ремесломъ своимъ угождають.

*О самихъ господаряхъ, владѣющихъ млинами и держащихъ ихъ,
и о млинахъ.*

Хочъ то млинъ корчмѣю ся въ людѣй називаєтъ,
еднакъ же онъ нѣ въ чемъ ся корчмѣ не равняєтъ:
Млинъ — чѣстна хрѣмина; не жиєтъ въ немъ свавѣльность,
лечъ виходить зъ него людемъ хлѣба довѣльность.
А хочъ изъ корчмѣ пѣну биваєтъ пожитокъ
и господарѣви корчмѣному ужитокъ,
А млинъ не едному пѣну догажаєтъ,
гдѣ на всю околичность хлѣба настатчаєтъ.
Тільки жъ и млинъ — якъ комѣ въ щастію поведѣтся,
то той тільки зъ него хлѣба не отгребѣтся.
И хто и плугомъ пашетъ, мельнику ся равняєтъ,
и кошту своего, якъ мельникъ, не страчаєтъ.
А мельнику много приборовъ въ млинъ потреба,
залѣдво якої рѣчи чегѣ не потреба:
А треба каміння, желѣза безпрестанно,
сталі, деревні, лѣю, — мѣблю то негланно,
А особливе часомъ людѣй — грѣблю гатить
и бондарѣй — сосуди въ млинъ на розміри робить.
А особній — требуєтъ иній и мірного,
гдѣ знайдець человека доброго и вірного.
Зачімъ здалѣ бъ ся шкурка за чиньбу не стане,
еднакъ хто що звикъ держать, то не перестане....

*О каменносѣчцахъ, що зъ горъ камяннихъ вибивають, або тежъ
виробляють млиновие до млиновъ на молоття каміння и
кресті надіробниє, и деки и слупи до муровъ и до фортець
каменнихъ.*

— —

А камень потребнійший въ млинъ, — такъ треба судить,
бо безъ камня хлѣба не мѣжно сотворить....

О шаповалахъ и о коновалахъ.

— —

Коноваль едно тільки діло изправляєтъ,
же то конямъ и шкарпамъ оправу даєтъ;
А шаповаль всякне єсімъ вигѣдн творить,
кдѣжъ рѣзніє потреби людемъ зѣвше робить,

Якъ-то: мужикамъ плететь рукавици,
 и лямпи виваюеть, що носять молодіци,
 И еще и опанчу мѣжетъ изробіти,
 и кецу (хочъ) найбільшую мѣдро устроити;
 А если часомъ зхочетъ и зпочити трѣхи,
 то тогда безпрестанно все вяжетъ панчѣхи.
 А впятъ якъ почнеть вѣвну перебивати,
 то знать-то уже хочеть зъ лѣкомъ мандровати;
 Бо зъ давнихъ часовъ, якъ где шаповаль мандроваль,
 не одну на дорѣзѣ и дѣшу излякаль,
 Же здалеку власне Татарѣ манячатъ,
 а шаповаль нѣсится зъ лѣкомъ, якъ за дѣкомъ, — зблѣ-
 зу вбачать.
 А пришедъ до людей, станеть робѣти питать,
 жебъ где-кѣльвекъ мѣлъ собѣ на роботу стать.
 Якъ знайдесть добрую роботу въ добромъ мѣстѣ,
 ажъ заразъ заробить золотѣхъ сто або двѣсти....

О ратайхъ, або тежъ о папущихъ хлѣбъ людѣхъ.

Надъ всі ремесла потребнѣйшее подобно
 пахарство, же тое всему свѣту вигѣдно,
 Бо хочъ би хто срібро и золото могъ робіти,
 а не мѣючи хлѣба, зѣбта не вкусити....

О рибалкахъ и о резникахъ.

Рибалки зъ резниками протѣвности мають:
 якъ постъ да мясницѣ, такъ онѣ пробувають.
 Рибалка для постнихъ днѣй риби уловляеть,
 а для мясныхъ днѣй резникъ о мѣсо стараеть.

— —
 И годило бъ ся лучшей рибалокъ поважать,
 и паче отъ резниковъ бнихъ всѣхъ шановать,
 Кѣди жъ и самъ Богъ зъ рибалокъ Апѣстоли вчинивъ
 и молѣтвенниками за всѣхъ насъ починивъ.

— —
 И рибалокъ и въ мясной часъ большъ потребуютъ,
 гди жъ наибольшіе часѣ постные знайдѣють.
 Рибу и въ постѣ многій народъ заживаеть,
 о въ постъ христѣйский лѣдъ мяса не вживаеть.
 Четвертая жъ часть на всемъ рокѣ днѣй скорѣмнихъ,
 а три частѣ знайдѣють также нескорѣмнихъ....

О гутникахъ и о склярахъ.

Достѣйни и гутники великой похваля,
 гди сосѣди чѣстные робятъ и криштѣли,
 Также для младѣхъ людѣй сличные зерцѣли,
 а состѣрѣвшимся южъ лѣдѣмъ окуляри,

А сосуди всякше скляніе и збані,
 зъ котрихъ випивають и великіе пані.
 И видно напітокъ скрозь, якъ чегó, чи много,
 или тежъ чегó-кóльвекъ ча́сомъ чи немно́го.
 А во иннихъ не видать, якъ-то въ черепя́ннихъ,
 такъ тежъ особъ не видно и у деревя́ннихъ,
 И не видно въ цино́вихъ, же́лѣзнихъ и въ міднихъ,
 и не досмотрітиса особній и въ срі́бнихъ,
 И мося́нжъ прозріти скрозь, и злóта не мóжно,
 тільки презъ скляніе все видіти возмо́жно.

— —
 Уже жъ гутника́мъ списа́хъ вели́ку похва́лу,
 и оболонника́мъ хочъ ма́лу створи́хъ хва́лу,
 Світові́дние ўбо ділають залóни,
 якъ менові́те вся́кні оболóни.
 Ині́е прóстие ділають древя́ние,
 а ині́е мў́дріе и оловя́ние....

О сїтникахъ и о решётникахъ.

Мерзено здавало бъ ся то ремесло и брідко:
 зъ конскихъ о́гюновъ сїта рóбять, — вспомні́ть гідко.

— —
 Рёшета да пудсїтки зъ ликъ бивають истканни,
 а у Воло́хъ рёшета въ ре́меняхъ пробия́нни....

О копающихъ колоды́зі глубо́кіе, а по-ля́дзкій стў́дні или по-славѣ́нский студе́нці.

— —
 И есть смілихъ, же бъ до дна а́дска прокопа́ли,
 аще бъ жрóдла во́дние імъ не прешкажа́ли.
 Могли бъ жи́ви въ ті́ліхъ пѣ́кла досмотрі́ти,
 и, узрѣвши тамъ зле, сна́дній ка́ялись би на свѣ́ті.
 А особно и тóе ещѣ уважаю́,
 же могли бъ и са́мого дохóдити ра́ю;
 Если бъ не за срóкгими, пові́даеть, горáми
 и за цў́цями зъ га́ди, и за морскі́ми вода́ми.

— —
 И признають, гдибъ прáве хто до ра́ю и дойшо́лъ,
 то ра́зві ся бъ насмотрі́лъ звні́, а внутрь би не ввойшо́лъ,
 Гди́жъ о́коло ору́жиемъ пла́меннимъ обварова́нню
 и пла́менемъ о́гненнимъ вкругъ оцї́рклева́нню....

О олі́йникахъ.

— —
 И зъ працо́вности робóта імъ прихóдитъ,
 по́куль гото́вий олі́й изъ гні́зда вихóдитъ;
 Пе́ршей бо сі́я въ сгў́пахъ толку́тъ и просі́вають,
 потóмъ въ те́плой во́ді міся́тъ и зхва́левають,

Тождь на сковрадахъ смажать и въ гніздо вкладають,
а послі таранами кління забивають,
И зачѣмъ витиснется якая макуха,
а їмъ отъ тарапѣвъ ажъ запыраются дѣха,
И покуль фѣри вийдуть, крішко наклонотѣтся,
покуль тежъ зовсімъ-провсімъ добре увольнѣтся....

О воскобѣйникахъ.

А воскобѣйникъ варить воскъ и закладаєтъ
въ гніздѣ, и колодами клінне забиваєтъ.
Изъ гнізда въ судину на сподъ воскъ истікаєтъ,
и на захолѣду тежъ въ сосѣди вливаетъ....

О калачникахъ.

Много есть вѣльми всякихъ вѣмисловъ на свѣті:
калачники не ремѣсники, а змѣслили цехъ міти.
Ремесла їхъ мѣцно ся навчѣтъ за годѣну,
не старѣхъ тѣлько, а лѣ навчѣвъ би дѣтѣну.
И самѣ ремеслѣ своѣхъ рѣдко работають,
а лѣ все своѣхъ бабъ робѣти заставляють,
Якъ-то: мукѣ сѣяти, и мѣсити тѣсто,
и пекѣти, и вѣбрати, и продаватъ нестѣи въ мѣсто.

— —
Кдѣ жъ ремесло їхъ жадной трѣдности не маєтъ:
полѣтѣши сюда-туда тѣсто, въ пѣчь сажаетъ,
Прѣто и самѣ дармо въ цехъ той упелѣлся,
власне якъ старѣцькѣи цехѣи повелѣлся.
Едѣнакъ въ старцѣвъ наука єсть — языкѣ ся вѣчѣти
и якъ би мѣлѣстѣи, абѣ хлѣба просѣти.
Тѣлько жъ не трѣба бѣрзо и тихъ цехѣвъ зневажать,
ѣжели бѣдѣуть до церквѣи свѣчи поставлѣать,
Абѣ къ прѣзѣдѣникамъ котрѣмъ канѣни справлѣати
и на церквѣи зъ дохѣдовъ тихъ ся укладѣти....

О токаряхъ.

— —
— —ложкѣи витѣчѣають,
котрѣи и панѣве чѣсомъ ужѣивѣають;
Такъ тежъ оздобѣиє тѣчатъ и тарѣлки,
зъ котѣрихъ ядѣтъ и пѣють, зварѣвши горѣлки;
А особѣно зробѣляють велѣикѣи ящѣи,
що зирѣтѣують въ дѣрогу печѣиєиє лѣащѣи;
И въ церквѣи тѣчатъ слѣшѣи, а малѣують малѣари,
и тѣчатъ до церквѣи бѣлѣащи и лѣхтарѣи;
И тѣчатъ на жѣртѣвѣникъ хорѣшѣиє кѣбѣки,
що свѣащѣѣнѣникъ хѣваєтъ, потрѣбѣаши дарѣи, гѣбѣки;
И до убѣагѣихъ церквѣи на прѣстѣолъ грѣбѣнѣици,
и до монастѣирѣскихъ трѣаѣцѣзъ тѣчатъ солѣнѣици;

И тїе виточують тертки, що перець тнуть,
 и тїе макобни, що кухарки макъ мнуть;
 И тїе брязкальця, що дітей забавляють,
 и веретена, що жонки нїтки випрядають;
 И посоховъ властельскихъ много виточають,
 и тїе качалки, що жонки хўсти качають;
 И овчарскіе точатъ зъ дѣрева сопілки,
 и козацкіе, що зъ лукѡвъ, витягають стрілки....

О пастухахъ, скоти и бідла (и свинія) пасущихъ, паче же о овчаряхъ.

— —
 Але еще на снїдъ себї овци пудкрадають,
 а господарямъ речеть, яко волкъ зьядають;
 А особливе млеко изъ овецъ здойеть
 и господарямъ овчимъ пакості створюеть.
 А ипихъ овецъ жезломъ нещадно ударяють,
 же ажъ умерщвлїтися бинимъ втожъ сотворюеть,
 И многи творить фїглі и незичливості....

— —
 а той и вигоняеть зъ гнївомъ изъ оградї.
 И заблужденной овцї не тщательнѡ ищетъ,
 и зъ нерадіїемъ ищущи, въ сопілку свїщеть....

О кушнерахъ.

Кѡжи бо овчїе онъ въ квасу виробляеть,
 — —
 и на зїмнїе часи кожухи зробляеть,
 И трѣбующимъ людѣмъ въ градїхъ продаваеть,
 а котріе приносять старїхъ, поправляеть....

Стихотвореніе: *О гребенникахъ, що гребенці зъ роїазъ (скотскихъ, або тежъ бидлячихъ) робять до чесання голѡвъ, состоятъ изъ самага безцвѣтнаго пустословія.*

— —
О соляникахъ, торяникахъ, бурлакахъ, що солї господарскіе варять.

Торяникї велику працу подиймають,
 паче коломийцовъ, що гускї виробляють.
 Сѡтце бо відеръ вкїнегъ на бѡчку солї водї,
 и, дрѡва въ пічъ вергаа, натерпїтєс бїдї.
 А безпрестанно трѣба и не досиплїти
 и, жебъ не прогорїа (скѡро) сковрада, пильновати.
 Потѡмъ въ садовницю соль зъ сковраді викидаеть
 и на дрўгий садъ воду, пошѣдши, накладыеть.

И потреба изъ соблю бочку изтрусіти
и всего, що ведётся тамъ, пильно досмотріти.
И зъ поднимъ здоровьемъ нічого тамъ пудиймати:
хочъ ма́ло знемоцнієть, мусіть варіть престати,
Илі тежъ товарища просьятъ допильновать,
а самъ, пришедши къ собі, мусіть такъже отвядчать.
А особно и тое бурлакамъ вельми нудно,
же о солодкую воду непома́лу трудно.
Мусіть тоєй же соли господарской частку отложіти,
жеби, вмісто води, бра́ти ся изпіти.
А впятъ же — не ма́шъ тамъ женъ въ Багму́ти, нікому кошу́ль
пра́ти;
мусіть, взявши нову́ю, носіть, поку́ль зодра́ти.

— —
Тутъ же и то мовлю, же соль есть розна на світі.

— —
Якъ-то: Запорозкая есть, Крѣмка и ледянка,
а не бѣдетъ зъ тако́ю (вѣмъ) пра́цею (и ко́штомъ), якъ
Торѣнка.

Зачѣмъ бурлакамъ (Торскимъ вірши сіе покладаю
и пра́цу ихъ и пильний дозо́ръ похваляю....

О бѣдникахъ, що по́ташъ робѣть.

Да и тѣе бѣдники въ на́шой землі бува́ють,
що по́ташъ Ту́ркамъ сѣкна фарбова́тъ ви́робляють.

— —
И сихъ ча́сть есть бѣди́щъ мно́го, где бѣди бува́ли:
да́вние лю́де бѣ тѣе и нѣ́ніи призна́ли.

И прислуха́йся ко́ждий, що ста́рый мо́вить на глумъ,
а мо́лодій неха́й бере́тъ до́бре собі на умъ ⁽¹⁾....

О ста́рцахъ.

Ста́рецьки во ві́ки не на́поблишъ сѣ́нки.
бо то ді́равне въ нихъ на́йдѣ́ются тлѣ́мки.

— —
Есть и та́кихъ мно́го на сві́ті зна́йдѣ́ть
ле́жнювъ, котрі́е, въ ми́ру хѣ́дячи, плу́тѣ́ють.
Бѣ́детъ ѣ́ний здо́ровимъ, да не хо́четъ ро́біть, —
потре́ба бѣ́ тако́го сі́мъ разъ на́ день кі́ємъ би́ть.

— —
И до́бре мо́вять: »Въ ста́рці́ пѣ́гою не вгна́ти,
а съ ста́рцо́въ — хо́чъ кала́чемъ ста́лъ би пудма́няти«....

О лѣ́нникахъ ⁽²⁾.

— —
Ко́доли бо му́дріе лю́дямъ изро́бляють
и тре́бующимъ о́нихъ до́белъ на́дава́ють;

⁽¹⁾ Ср. Зап. о Южн. Руси, т. I. стр. 13.

⁽²⁾ Верево́чникахъ.

Іменно жъ до кладазей надобни глибокихъ
и до капуровъ теслямъ до церквейъ високихъ,
Та́кже и до неводо́въ озе́рнихъ тягнѣння,
когда́ где бива́еть ю́жь ри́бное ловѣ́ння,
И до мно́гихъ рі́чній зась кодо́ль потребую́ть,
та́кже и до буди́нковъ па́нскихъ, гди́ будую́ть.
Ко́долами дере́во на го́ру встятую́ть,
а і́нді и поро́мі́ чре́зь рі́ки тяга́ють.

— —
Та́кже и на́рі́тники, шле́і и у́жйща,
ко́трими при́пинаю́ть у́ поля́хъ ко́нйща.
Та́кже обро́ті, во́жкы и пѹ́ги зро́бляю́ть,
що ко́ней і́дучи́ где-ко́львекъ зати́наю́ть,
И до дзе́га́ровъ ро́бять вто́жъ ши́ури на ва́ги....

О рудникахъ, що зъ руды́ желе́за ро́блять въ рудня́хъ.

— —
Бо хочъ водо́ю мля́ти въ рудня́хъ уда́ряю́ть,
ѣ́днакъ безъ ве́лі́коі пра́ци не бива́ють;
Гди́жъ при боло́та́хъ тре́ба и зе́млю ко́пати
да руды́ зъ ве́лі́кою цѣ́льностью і́ска́ти,
А зна́йше́дши́ где руду́, о́собно ко́пати
и, въ ко́шиці́ беру́чи, въ во́ді́ поло́ска́ти;
Пото́мъ на ўго́ллі́ дровъ въ дубро́ву руба́ти
и ви́шей хлѣ́па въ ко́стеръ до́вгий тасова́ти;
Напо́томъ дернь́ рѣ́зати ко́стеръ то́й вкрива́ти
и смо́тріть, же́бъ по́ломъя не мо́гло́ псова́ти....

О римаря́хъ.

— —
Шкѹ́ри бо возове́іе и лі́йци зро́бляю́ть,
и хому́ті, и ў́зди, що ко́ней ну́здаю́ть,
Та́къ те́жъ шо́ри и шле́і, и бичі́ на во́лі,
и для́ люде́й убо́гихъ зъ реме́ню жъ посто́лі,
И ро́взники до ко́ней па́нскихъ и канта́рі.
— —
И попрѹ́ги до кульба́къ о́ні́ жъ зась зро́бляю́ть,
ко́трими кульба́ками ко́ней лю́де сі́длаю́ть;
И пѹ́та реме́нни́е ро́блять, и тринѹ́ги,
що зли́мъ провля́тимъ ко́нямъ тринѹ́жати́ ча́сомъ но́ги,
И нага́йки, або́ те́жъ канчу́ки сплі́таю́ть,
ко́трими лю́дзкости́ жонь́ ча́сомъ при́цві́чаю́ть.
А еже́ли уда́стся ча́сомъ зля́я прочва́ра,
не на́учить та́коі́ и то́лстая ба́рба́ра....

О косаря́хъ, що сі́но ко́сять.

— —
И, хочъ би́ не радъ, мѹ́сіть ко́сарѹ́въ зата́гати́,
по́ пять че́ховъ і́й по́ три ша́ги на де́нь дава́ти.

А косарі-сподарі пдуть къ нему съ косіти
и косять травн весь день и въ порану зъ росами....

О гребцѣхъ сіннихъ.

И жѣнщина мѡжетъ тѡже сіно згромажѣть,
алѣ не мѡжетъ такъ, якъ музчїзна, ухажѣть,
Бо звичайно то діло музчїзнамъ робїти,
гребті сіно и копїць сіннихъ волочїти,
Абѡ тежъ у копїці и у стїрти клѣсти,
а жонкамъ рѣзвї тїлько у гребеней прїсти.

— —
Нехай жѡни у домѣхъ діла росправлѣють:
прядуть, ткуть и їсти вамъ, мужикѣмъ, готѣють....

О женцѣхъ.

— —
Тїлько, хочъ билѣ бѣ їмъ часомъ третїна,
алѣ хїлячись заболїть и спїна....

*О мїльникамъ, що мїла роблѣть, бѣрскїе дѡбре и прѡстїе
пѡдле.*

Не знѣю, по мїльникамъ хто бѣ ся чи зафразовѣль,
хочъ би и не єдїнъ ся на свѣтї не обрїталъ;
Бо рїдко хто на свѣтї мїломъ ся вимивѣеть,
алѣ бѡльшеї водою тваръ собї омивѣеть....

О колесникѣхъ.

И колесникъ ремѣсникъ творїть тожъ чудесѣ,
зроблѣеть бо до возѡвъ и пѣнскихъ колесѣ,
А їменно їко-то: панѡмъ на рїдвѣни,
въ котрїхъ и вельмѡжнїе їздѣть гетмѣни;
И до карецъ колїсѣ трѣба и на лектїки,
въ котрїхъ славѣтнїе тежъ їздѣть полїтїки.
Къ палубѣмъ и къ колїсамъ и къ возѣмъ глабчѣстїмъ
тѡже колїсѣ потрѣба, и къ тїмъ драбїнчѣстїмъ....

О стадникѣхъ кѡнскихъ.

И стадникї тожъ лѡдямъ вѣлми вигожѣють,
же стадъ кѡнскихъ у полѣхъ у дозбрахъ мають,
И у полѣхъ при кѡняхъ зѣвше и почѣють....

О догтарѣхъ и столярѣхъ.

— —
Трѣба прѣвда, гдѣ зъ негѡ ⁽¹⁾ сажу пѣлять при друкѣрнѣхъ,
на чернїла кнїжнїе, — по-московскїй при печѣтнѣхъ....

(1) Изъ смолдвого, соснового дегтя.

О свічкаряхъ, що лоевіе свічки робятъ.

— —
 где ко́львекъ лоевіхъ свічъ начnúть робіти,
 тамъ ста́нуть за полверсты ажъ смрѣди сходити,
 А найба́рзій, где лю́де въ судїни моча́ють,
 а тамъ не такъ, где въ трубка́хъ же́лізнихъ зроби́ють.

— —
 мусіть мнѣгій наро́дъ свічъ тихъ купова́ти,
 же воскови́хъ не мо́жно грѣшей на́статча́ти,
 Бо въ ка́мень воску осмь ко́пъ потре́бно вложі́ти,
 а ло́ю ка́меній сі́мъ за то мо́жно купи́ти....

Представленныя нами выписки о ремеслахъ, существовавшихъ въ Гетманство Мазепы, показываютъ развитіе промышленности въ большей мѣрѣ на Украинѣ, противъ нашего времени. По всему видно, что существовавшее тогда, при всемъ его разореніи отъ предшествовавшихъ войнъ татарскихъ набѣговъ, благосостояніе края съ тѣхъ поръ значительно упало. Главными причинами упадка должно, кажется, полагать введеніе на Украинѣ крѣпостнаго права, развитіе такъ называемой цивилизаціи съ ея изобрѣтенными не дома потребностями въ привилегированномъ состояніи населенія, квартированье войскъ, рекрутскіе наборы и всего бо- лѣе — распространеніе канцелярскаго управленія народомъ, которое съ одной стороны пріостановило все свободныя отиванія ремеслъ и про- мышленности, а съ другой породило множество лицъ, добывающихъ изъ на- роду не производительнымъ трудомъ, а бесплоднымъ перомъ сравнитель- но лакомый кусокъ хлѣба. Гетманство Мазепы тоже отнюдь не было зо- лотымъ вѣкомъ для Украины. Евреи съ своими опустошительными арен- дами исчезли, но ихъ система насильственного стяжанія усвоена была гетманскимъ правительствомъ, какъ это видно, между прочимъ, и изъ сочиненія Климентія: *О рандаряхъ*.

И убо́гий чолові́къ хті́лъ би рандирѣ́мъ би́ть,
 ѣслиби то сто́лько мі́ль грѣшей ра́ту плати́ть;
 Тільки, же и бога́тій не вся́кий то мо́жетъ:
 рѣ́дко який на то́е суму́ вложі́ть змо́жетъ;
 А хочъ инъ и бога́чъ е́сть, то́го не досту́пнѣ
 ранда́рскаго уря́ду, ажъ большъ ра́ти посту́пнѣ;
 И досту́пивши, гди́ ся пощасти́тъ, хлѣ́б ма́етъ,
 але́ поспо́литимъ ю́жъ люде́мъ перешка́жа́етъ.
 Не во́льно продава́ти горі́лки ні́кому,
 ті́лько то рандаре́ві уже́ еди́ному;
 Та́кже и тютю́ну ю́жъ не во́льно продава́ть,
 ті́лько до не́го му́сять ході́ти купова́ть;

А ёсли и доготь вкупі заарендѣть,
 то и догтемъ нхто вже большей не шинкѣть;
 А инді въ аренді и брага биваеъ, —
 хто не чувалъ съ віку, той вѣлыми ся удивляеъ.
 А се жъ, мовить, якіе вигадали кадуковѣ?
 наші не чували зъ віку сего и продковѣ!
 А еслибъ рандовали ещѣ медъ пиво,
 было бъ южъ всему світу найбільшое діво....

Интересно свидѣтельство Климентія, о состояніи лѣваго берега Днѣпра. Онъ описываетъ пустоту нашихъ рынковъ, недостатокъ промышленныхъ сношеній между жителями и безпріютность большихъ дорогъ для путешественника. Свидѣтельство его, какъ современника, имѣетъ для насъ важность историческаго документа.

— — —
 по іншихъ городѣхъ и хлѣба не знайти
 печеного. Мусить такъ їхать або пойти,
 А не тільки, же бъ ся моглъ стравою поживити,
 да и безъ хлѣба поидеть, хочъ мусить подивити.
 И зле тамъ, где стравали гостімъ ⁽¹⁾ не вигожають,
 а що гѣршей, же и хлѣба не продавають.
 Звичай то въ такихъ мѣстахъ назбитъ ⁽²⁾ непотребний

— — —
 Рѣзний би то гость мусилъ би въ нихъ хлѣбъ купувати
 и, якъ слѣшно, платою ѳнихъ не вкривжати.
 Зачимъ въ невігѣднихъ мѣстахъ бодѣй не бувать
 гостімъ, же повилявши мусѣть и поижжѣть.
 И, поїхавши, ихъ звичаю не похвалять
 и въ далѣкомъ краю похвалюю не прославѣть.
 А то на Вкраїні тутъ (Малороссійской) не всі мѣста вигѣдни,
 же, побувавши гости, и поїдуть голодни.
 Ежели у кого естъ що за харчі у возі,
 то якъ-кольвекъ такому надѣя у Бѣзі.
 А въ Лїдзскихъ и въ Литѣвскихъ крайхъ продавають
 хлѣбъ и страви, и борчми по шляхѣхъ зъ всіми вигѣдами
 мають,

Ажъ гѣстеві биваеъ вшелїкая вигѣда:
 конѣямъ харчі и самимъ пивомъ и медомъ охолода.
 А тутъ въ насъ развѣ звичай той по мѣстахъ валѣчныхъ,
 якъ-то городѣхъ столѣчныхъ;
 А въ маломъ мѣсті гѣстю не питаї поживити,
 гдибъ ся замѣшкалъ, то моглъ би дѣшу уморити.

Въ сборникъ свой Климентій ввелъ на листкѣ 18, стихотвореніе
О нехотящихъ туждѣтисѣ чѣстными трудомъ, то естъ о зло-

(1) Т. е. торговымъ людямъ. — (2) Крайне.

ділхъ. При тогдaшнeмъ устрoйствѣ Малороссіи и равнодушiи гетманскаго правительства ко всему, что не касалось матеріальныхъ его выгодъ, разбои и воровства естественно могли совершаться по дорогамъ, въ городахъ и селахъ, безнаказанно. Климентій говоритъ:

.... въ сей на́шей страні́ есть такі́хъ мно́го зіло́.

А теперъ намно́жило всю́да ду́шъ безбо́жнихъ,
бо не мню́ть ка́рностей отъ люде́й побо́жнихъ....

Не смѣя тронуть правительствовавшихъ въ гетманщинѣ лицъ, Климентій глухо говоритъ о *драпіжцахъ*, *нікогда ненасищеннихъ или тежъ о видірцахъ*, подъ которыми нельзя разумѣть одну мелкую начальственную братію, а должно разумѣть всю облеченную въ законъ правительственную тогдaшнюю іерархію: иначе — не пицалъ бы народъ отъ грабителей, притѣсняющихъ его тайкомъ отъ старшихъ, и не вы́звалъ бы со стороны паноугодливаго стихотворца довольно энергическаго протеста въ свою пользу:

Речѣ при́повість: »Волкъ, що спотка́е, то зьяде́:
такъ и чолові́къ драпі́жний ні́кому не даде́,
Ті́лько радъ кю́ю-лю́бо персо́ну лупі́ти,
же́бї мо́гль яко́жъ-ко́львекъ шкату́лу набі́ти.
Ко́му жъ, рече́мъ, подбо́бенъ драпі́жъ, то́кмо во́лку?

Далѣе онъ указываетъ на самовластіе старшинъ, не смѣя, одна́кожъ, явно назвать ихъ.

Кро́мъ ці́ле ся наре́четь са́мъ всі́мъ господа́иномъ,
кдї́ жъ са́мъ ся постано́вилъ на то власте́линомъ.

Прѣ́то и мѣ́то до́брѣ бѣ́ ви́бирать по́мірно,
а не зго́ла оскорбля́тъ бѣ́дний лю́дъ безмі́рно....

Мы исчерпали, по возможности, весь интересъ книги стихотворца Климентія, для нагляднаго изображенія въ наиболѣе ясномъ свѣтѣ тогдaшняго времени. Общее впечатлѣніе наше таково: что Украина отпала отъ Польши не какъ здоровое гражданское общество, а какъ нація изнемогшая въ отчаянной борьбѣ и зараженная недугами, отъ которыхъ страдала сама Польша, — что новое гетманское правительство украинское,

вмѣстѣ зъ союзнымъ себѣ духовенствомъ, злоупотребляло отвоеванную ему народомъ свободу и предалось стремленіямъ эгоистическимъ, упустивъ изъ виду идею миновавшей войны народной, — что при такомъ состояніи дѣлъ не могло существовать между гетманомъ Мазепою и Украинскимъ народомъ единства стремленій, каковы бѣ они ни были, и что съ его паденіемъ должно было неизбежно начаться и паденіе грѣшной гетманщины.

12 января 1859.

С. Петербургъ.

